

Константин
Зарубин

ПОВЕСТИ Л-СКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Книги бывают волшебными.
Ностальгия не требует
самообмана

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Классное чтение

Константин Зарубин
Повести л-ских писателей

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зарубин К. Р.

Повести л-ских писателей / К. Р. Зарубин — «Издательство АСТ», 2022 — (Классное чтение)

ISBN 978-5-17-153395-3

Константин Зарубин (р. 1979) — прозаик, публицист. Вырос в г. Сланцы Ленинградской области. Изучал языки, лингвистику, философию. Преподаёт английский в университете Даларна (Швеция). Живёт в Уппсале. В Хельсинки найден мёртвым учёный из Петербурга. Разбирая его книги, помощница местных букинистов обнаруживает материалы странного расследования. Кто-то долго и тщетно разыскивает загадочный сборник фантастики, который появлялся в восьмидесятые годы то тут, то там по всему СССР. Эту книгу читали очень разные люди на разных языках, и жизнь их менялась удивительным, подчас роковым, образом. И похоже, время необъяснимых событий ещё не кончилось. Авторы сборника «Повести л-ских писателей» по-прежнему среди нас.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153395-3

© Зарубин К. Р., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Папка первая	6
Свидетель № 3	6
Свидетель № 4	16
Свидетель № 5	30
Свидетель № 6	40
Папка вторая	46
Приличный зазор для тайн	46
Её занимали самые разные вещи	49
Вселенная со всем её содержимым	53
Во время такого звонка	56
Вольное изложение того, что рассказали по телефону Даше Кожемякиной	57
Продолжение вольного изложения того, что рассказали по телефону Даше Кожемякиной	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Константин Зарубин
Повести л-ских писателей
Версия для издания на
территории Московской империи

© Зарубин К.Р.

© ООО «Издательство АСТ»

Художественное оформление Елизаветы Корсаковой

* * *

Роман Константина Зарубина воскрешает веру в то, что книги бывают волшебными. И ещё говорит о том, что постсоветская ностальгия может быть безжалостно честной. Без самообмана о потерянном рае. И эта книга о будущем тоже. Она дарит робкую надежду тем, кто отчаялся в поисках смысла жизни на Земле.

Юлия Гумен

Книги бывают волшебными.

Ностальгия не требует самообмана

Список наиболее употребительных сокращений

ПЛП – «Повести л-ских писателей».

ЗГНТМИ – запрещено говорить на территории Московской империи.

Папка первая

Распечатки, найденные в магазине «Лакония»

Свидетель № 3

Негина Елена Николаевна

Борск, 1983/84

Год и место рождения: 1970, Кострома-17 (с 1994 г. – Борск).

В 1989–2002 гг. проживала в Горьком/Нижнем Новгороде.

С 2002 г. живёт в Калининграде.

Профессия: менеджер по персоналу на автосборочном заводе (с 2012 г.).

Образование: высшее техническое.

Даты наводки: 5 сентября 2018, 21 января 2019.

Дата беседы: 16 марта 2019.

Мои родители были режимные физики. Мама рассчитывала что-то сверхсекретное у себя в институте. Папа на Новую Землю ездил бомбы взрывать. Ну, то есть никто мне тогда не говорил, конечно, что на Новую Землю и что бомбы. Просто: «Папа в экспедицию уехал». Иногда на три месяца, иногда на четыре. Когда мы «за зону» ездили – к родственникам в Москву или на Чёрное море летом, – мама мне напоминала обязательно: «Я работаю бухгалтером, а папа геолог, ищет молибден». Это для чужих, для случайных знакомых такая версия была.

Слово «молибден» моих «засонных» сверстников очень впечатляло. Никто про молибден не знал ничего, все кивали с серьёзным видом. Можно было вешать им на уши, что на язык попадёт. Космические корабли, супербатискафы какие-то для исследования глубин Тихого океана. У меня с фантазией никогда проблем не было. Поэтому и боюсь вам сейчас приврать. Про детство сами же, наверно, знаете, как трудно рассказывать честно: зазеваешься немножко, дашь себе волю – и уже наврал с три короба.

Из того же места, из фантазии неуёмной, растёт моя любовь к фантастике. Реалистическая проза, книжки, где всё «как в жизни», включая нашу великую-могучую классику, – мне в таких книжках всегда тесно было и душно. Как будто степеней свободы не хватало. У меня в институте лучшая подружка была, Иля Асадуллина (мы с ней до сих пор общаемся). Она, когда мы только познакомились, Чеховым бредила и Буниным. И ставила мне на вид постоянно: «Ленка, ну когда ж ты повзрослеешь? Сколько можно эти сказки читать?» По юности всё это ведь страшно важным кажется: что читаешь, что слушаешь, кино какое смотришь... Я даже стеснялась одно время. Фантастику втихую от Ильки читала. Книжку Азимова стыдливо оборачивала газеткой...

А потом прочитала где-то, в предисловии к роману какому-то, что реалистическая литература – это с исторической точки зрения аномалия. Ведь тысячи лет вся литература состояла из небылиц. Считалось абсолютно нормальным, что в историях полно богов, полно чудес, животные разговаривают. Призраки ходят по крепостной стене. Только в Новое время возникла эта странная идея, что нельзя фантазировать как хочется, что нужно фантазировать

строго по правилам. Что нужно тупо реальность имитировать, если хочешь быть серьёзным писателем.

Короче говоря, реализм – это не норма жизни. Это новомодный вывих в истории мировой литературы. Вот так вот. Когда я это прочла, у меня прямо эйфория была. Все комплексы насчёт фантастики сняло как рукой.

А в детстве никаких комплексов на этот счёт у меня и подавно не было. Мне повезло, наверно. Это я уже потом, взрослая, поняла. Повезло, что мама была физик, и что школа наша, третья, была с физическим уклоном, и весь город кишел учёными, среди которых довольно много было женщин. Поэтому никого особенно не корёжило, что боже ж ты мой, какой ужас, девочка фантастику читает, ходит в ракетно-модельный кружок, бортинженером хочет быть на станции «Салют». Её ж, дуру такую, замуж никто не возьмёт! Мне мозги не полировали на эту тему никогда.

Правда, бабушка Катя московская, папина мама, сокрушалась, что я в штанах вечно хожу. (У меня, по-моему, в старших классах и юбки-то ни одной нормальной не было, кроме школьной.) Так и слышу, как она восклицает со своей театральной интонацией: «Не девица, а фарцовщик!» Мне родители по большому благу джинсы достали хорошие итальянские... Но к моим увлечениям бабушка Катя никогда не придиралась. Наоборот, я с ней даже влияние невесомости на человеческий организм обсуждала. Она врачом всю жизнь проработала, могла за чаем целую лекцию по физиологии прочесть как с листа.

В Борске... У нас, кстати, всегда говорили «Борск». Другие названия – Кострома-17, Кострома-72, Краснозвёздный – это в документах только было, да и то в секретных. А говорили только Борск. До войны, до основания города там деревня была, называлась Лисий Бор. Из неё, видимо, «Борск» и получился. Стихийно...

Книжный магазин в Борске всё моё детство был один: на площади Ленина. Он и сейчас на том же месте, я вам фотографию найду в интернете. Так, секундочку...

Вот, на углу здания, видите? Крыльцо с треугольным козырьком? Это одно из первых зданий в городе, в самом начале пятидесятых построено. Уже при Горбачёве второй книжный открылся в одном из новых микрорайонов, в позднесовковом стиле. После этого их начали различать: «Новый книжный» и «Книжный на площади». Но это за считанные месяцы до моего отъезда в Нижний случилось. Так что «Новый книжный» – это уже не моя история.

В старом книжном, в «Книжном на площади»... Бог ты мой, там же ещё и запах этот был... Он исчез потом, в нулевые уже, после евроремонта. Вы ведь представляете себе запах советского книжного? Такой... плотный... бледно-фиолетовый с оранжевыми пятнышками тут и там. Дразнит и успокаивает одновременно... Вы не пугайтесь, у меня синестезия просто. Довольно редкая разновидность: я запахи «вижу» в цвете. Не все запахи. Но промышленные, химические – их очень часто «вижу».

В восьмидесятые три отдела было в книжном. Налево, какходишь, начинался самый большой, с официальной литературой. Партийные брошюры, всяческий политиздат, какие-то бесконечные серии про революцию. Стояли, пыль собирали. Этот отдел никого не интересовал. Всех интересовал отдел подписных и дефицитных изданий – он был как бы в глубине основного зала, надо было пройти мимо стеллажей с партийной бурдой. Туда приходили хорошие книжки, по две-три штуки, и их сразу расхватывали. Самое удивительное, что расхватывали по-честному, в явочном порядке: кому повезёт, тот и хапнет. То есть без блата совсем.

Это, я думаю, с продавцом отдела было связано. Игорь Трофимович звали продавца. Вылитый книголюб-интеллигент: очочки с круглыми стёклами, борода аккуратная с проступающей сединой. Начитанный до умопомрачения. Видно было, что не просто на работу ходит, а любимым делом занимается. Держался со всеми приветливо, но дистанцию соблюдал. Невозможно было представить, что кто-то может к Игорю Трофимовичу подойти и сказать: «Игорь Трофимыч, у нас полочка одна недозаполнена в чешском гарнитуре. Не отложите мне Стён-

даля по старой дружбе? Я вам с путёвочкой в Болгарию помогу». Совершенно за гранью воображения было такое. Поэтому, я думаю, никто к Игорю Трофимычу и не подходил с такими просьбами.

Максимум, до чего он мог опуститься, – это сказать: «Знаете, у нас во вторник будут новые книги, подходите, может быть, вас что-нибудь заинтересует». Он ко всем обращался на «вы» – ну, кроме совсем уж младших школьников, наверно.

У меня так и звенит в памяти: «Вы, Лена...», «Вам, Лена...» А Лене, представьте, тринадцать лет, Лена удрала с физкультуры, потому что ну физкультура же! И потому что новые поступления в книжном обещаны. Лена месяц на полдниках экономила, пятнашки откладывала карманные, чтоб «Лунную радугу» купить какую-нибудь... Вбегаю, запыхавшаяся вся, руками в фартук вцепившись: «Здравствуйте, Игорь Трофимыч!» «Доброе утро, Лена! Что же вы опять пренебрегаете своим ученическим долгом...» Он всегда с высокопарными оборотами говорил. Как будто бы строго, но на самом деле совсем не строго...

В Борске, вы не подумайте, народ так-то вежливый был, воспитанный. Всё-таки учёные сплошные, техническая интеллигенция. Но Игорь Трофимович даже на этом фоне был особенный. Ну, мне казалось, что особенный, по крайней мере. Я нигде больше, ни от каких больше взрослых такого уважения не чувствовала, элементарного уважения ко мне как личности, которое подростку так нужно. Особенно по сравнению со школой. В школе-то меня песочили постоянно. За упрямство, за своенравие...

Ой, увлеклась воспоминаньями. Чуть не забыла про третий отдел. А ведь в нём-то всё и случилось. Именно там в руки мне попал сборник, который вы ищете.

Этот отдел, комиссионный отдел, был справа, как войдёшь. В него сдавали старые книги и периодику. Там часто маячил определённый контингент, комиссионная мафия: три или четыре человека в общей сложности, все мужчины, суетливой такой наружности. Стоят, листают без конца, что на прилавке разложено. Якобы им интересно. Только кто-нибудь с книгами появится – они оживляются сразу, шеи выгибают, подходят. И вежливо так: «Здравствуйте-здравствуйте, а давайте мы посмотрим, что у вас». С таким подтекстом, что не спешите сдавать, мы вам за ценный экземпляр больше отстегнём.

Игорь Трофимыч к комиссионному отделу отношения не имел. Там был другой продавец, женщина. Не помню, к сожалению, имени. Помню, что рост у неё был небольшой, не выше меня тринадцатилетней. Ещё волосы иссиня-чёрные и лицо смугловатое, южное, с крупным носом. У нас мало таких лиц мелькало в Борске. Почти все жители были типичные славяне восточные – что по физиономии, что по паспорту. Русские, украинцев немножко. Белорусы тоже были, наверно. Эту расовую чистоту в Борске поддерживали с основания города. Считалось наверху, что остальные национальности неблагонадёжные, их нельзя к бомбе подпускать, все секреты сразу американцам разболтают.

Продавщица комиссионного отдела мне долгое время не нравилась. Вернее, мне не нравилось, что она мафию свою листающую не разгоняет. Я пусть и своенравная, но всё равно же маленькая была: побаивалась взрослых мужиков, которые там толкались. И побаивалась, и вообще не любила их, потому что они все хорошие книжки перехватывали, фантастику в том числе. Можно было даже на прилавок не смотреть.

Но, как говорится, в один прекрасный день... Я в седьмой класс ходила. Наверно, зима была. Зимой в седьмом классе я много болела, постоянно была освобождена от физкультуры. Поэтому во время физры в библиотеке сидела (у нас чудесная была в школе библиотека) или неслась в книжный с чистой совестью, с Игорем Трофимычем общаться... Если по годам смотреть, получается конец восьмидесят третьего – начало восьмидесят четвёртого. Не могу, к сожалению, вспомнить, умер Андропов на тот момент или ещё не умер.

Так или иначе, прибегаю я в книжный. Утро или начало дня. В магазине пусто. Из комиссионной мафии – никого. Настоящий праздник на Лениной улице! Вместо мафии стоит в

комиссионном отделе женщина. Молодая, вряд ли сильно старше тридцати. Может быть, я бы девушку в ней увидела, а не женщину, если б сама тогда была постарше. И вот интересная деталь: одета она была странно. Хоть убейте, не помню, как именно, но помню: глаз было не оторвать. Как-то явно не по-нашему, не по-борски она выглядела.

Так я, наверно, и стояла, глазела на неё исподтишка. А она разговаривала с продавщицей комиссионного отдела. Вдруг продавщица меня замечает и подзывает к себе: «Леночка, подойди-ка сюда. Тут как раз по твоей части принесли». А я и не подозревала даже, что она знает, как меня зовут, не говоря уже о моих литературных пристрастиях. Но подошла, конечно. Что там, дескать, у вас такое по моей части.

Книга называлась «Фантастические повести латышских писателей». В этом я уверена на девяносто девять и девять десятых. Поймите, книга была у меня на руках целую неделю. Я раза три прочитала её от корки до корки. Засыпала с ней, просыпалась с ней. В школу брала. До жути боялась потерять, но всё равно брала. Не могла с ней расстаться ни на минуту. Хотелось начитать её впрок, напиться ею. Как будто чувствовала, что отнимут её у меня.

Это во-первых. Во-вторых, почему я уверена, что писатели были латышские: потому что маму расспрашивала про Латвию потом. Они с папой ездили на Рижское взморье после свадьбы, когда меня ещё не было. Две недели жили в каком-то посёлке к северу от Риги – не помню названия. И я долго, долго приставала к маме после того, как сборник прочитала: а как там в Латвии, а что за люди латыши, а давайте летом в Ригу поедem. Я надеялась, что в Риге эту книжку проще будет найти, раз она латышская.

Можете даже у моей мамы справки навести. Она вспомнит, как я на Латвии была помещана в седьмом классе. Всей семьёй мы так туда и не выбрались, но году в девяносто первом родители снова ездили вдвоём в тот же посёлок – по боевым местам своей молодости. Мама говорила, что это из-за моих расспросов и приставаний. Из-за них у неё в голове засела идея вернуться в Прибалтику на их с папой серебряный юбилей.

А я сама... Я, если честно, вряд ли бы сегодня в Калининграде жила, если б не латышская фантастика. Конечно, всем рассказываю, что переехала из-за работы. У нас, на тогдашней моей работе, в начале нулевых вакансии открылась в калининградском офисе. Я как раз тогда с первым мужем развелась, хотелось обстановку сменить. Но всё равно не решилась бы на переезд, не потащила бы дочку за полторы тыщи кэмэ, если б не мои девчоночьи мечты о Латвии, где живут самые лучшие фантасты. Из Нижнего же кажется: что Кёниг, что Литва с Латвией – всё в одном месте...

Извините. Вас, конечно, книга интересует, а не мои мечты. Постараюсь описать, что помню. По габаритам это была совершенно обычная советская книжка. Вот вроде этой...

[Примечание курсивом.] Напомню, что разговор с Негиной происходил в Риге, в баре *Dakts на Лачплеша*. (Это, кстати, в двух шагах от той самой «Планеты», где Вита купила свой сборник.) На стене рядом со столиком было несколько полок со старыми книгами – в основном советскими, на латышском и русском. Негина наудачу выдернула и продемонстрировала мне одну из них: сборник произведений Андрея Платонова, 1988 год, Москва, «Современник», формат 84×108 1/32.

Только чуть потолще... Здесь сколько... Здесь пятьсот шестьдесят страниц. В той страниц семьсот было, не меньше. Обложка была гляцевая, красивая очень. Корешок сочного изумрудного цвета, который очень подходил к запаху страниц – тот мне тоже казался зелёным и ярким. С корешка изумрудная краска как бы переливалась на обложку – и с лицевой стороны, и сзади. И на обложке, из этих полосок изумрудных вдоль корешка, как бы вырастал орнамент – то ли абстрактный, геометрический, то ли с растительными мотивами, точно не помню. Помню, что там, кроме зелёного, ещё белый был и разные оттенки синего и голубого.

И помню, что узор меня завораживал. Он... фантастический был. Фантастический. Иначе и не скажешь.

Буквы на обложке были, кажется, белые. Возможно, с окантовкой. Помню, что название читалось отчётливо, нигде с фоном не сливалось. Шрифт назвать, к сожалению, не смогу. Не спец я по шрифтам. Не курсив – это точно. Ровный, прямой шрифт. Современное впечатление производил. На тот момент современное.

Что не забуду никогда – так это цену. Сзади на обложке, в верхнем углу, белой краской по какому-то синему элементу орнамента: рупь семьдесят восемь. Один, запятая, семьдесят восемь. Безо всяких «рэ» и «коп». Только цифры и запятая.

Цена мне врезалась в память, потому что у меня, естественно, не было с собой столько. Продавщица спрашивает: «Ну что, Леночка, заинтересовала книжка? Будешь брать?» А я уже предисловие глазами пробежала, полистала туда-сюда. Мне уже так эту книжку хочется, что прям умру, если не прочитаю сегодня же. При этом в пальто у меня, в кармане, то ли пятнадцать копеек, то ли двадцать. Точно не больше двадцати.

Стою и чуть не плачу. Мало того, что мне рупь семьдесят восемь не наскрести. Я знала уже, что умный человек хорошую книгу по госцене всё равно не продаст. Сколько, думаю, эта женщина в странных одеждах заломит за свою латышскую фантастику? А вдруг целых пять рублей? А вдруг десять? У меня и папа, и мама прилично зарабатывали, по советским меркам (в Борске тогда вообще все прилично зарабатывали). Но мне больше полтинника одновременно не выдавали никогда, чтоб не баловать. Мама приговаривала: «Надо знать цену деньгам!» Вот я и знала. Думала, десять рублей – это целое состояние.

Говорю продавщице: «А сколько стоит?» Продавщица кивает на женщину: «За сколько уступите?» Женщина смотрит на меня, улыбается. «Так на обложке же, – говорит, – написано. Книжка как новая, помарок нет. За что купила, за то и продаю». Что-то в этом роде она такое сказала.

У меня, с одной стороны, от сердца отлегло. Не десять рублей! Не пять даже! С другой стороны, в кармане по-прежнему двадцать копеек только. «Можно, – говорю, – я деньги попозже занесу? У меня сейчас с собой нет, но через неделю точно будет! Честное пионерское!»

А женщина говорит: «Через неделю меня не будет». Это не моя реконструкция – это именно так она и сказала: «Через неделю меня не будет». Единственная реплика, которую дословно помню из того дня. Наверное, из-за отчаяния, в которое меня эта реплика повергла.

Отчаяние продолжалось недолго. Продавщица меня выручила. Она рассчиталась с женщиной. Может быть, прямо из собственного кошелька. Или, может, по кассе как-то провела, не помню. Так или иначе, с меня было взято торжественное обещание, что я не позже чем через неделю занесу всю сумму, то есть рупь семьдесят восемь, минус двадцать или сколько там копеек, которые сразу заплатила. Как я была счастлива – вы себе не представляете. Схватила книжку, сунула под пальто и бегом оттуда, пока никто не передумал.

Женщина в странном, кажется, ещё стояла там, когда я убежала. Что могу сказать с уверенностью: больше я её у нас в Борске не видела. Я бы её обязательно узнала, если б увидела. Наверно, она уехала из города, как и сказала. «Через неделю меня не будет». Наверно, поэтому она тогда и принесла книги: избавлялась от лишних вещей перед переездом. Там же у неё не только латышские фантасты были. Какие-то ещё стопки книг стояли между ней и продавщицей. Думаю, не меньше десяти других книг. Я не запомнила из них ни одной. Видимо, фантастики среди них не было.

После физкультуры у нас в тот день было ещё два или три урока. Еле-еле я эти уроки вытерпела. Страшно хотелось бежать домой, книжку читать. На биологии меня к доске вызвали, а я не могу сосредоточиться, вылетела вся биология из головы. Сыпанулась на каком-то вопросе, как троечница последняя. Хорошо, Лилия Андреевна, биологиня наша, пожалела

меня. Для порядка сделала вид, что ставит тройку в дневник, а на самом деле написала только в строчке, где биология: «Лена сегодня витала в облаках». Так-то я по биологии хорошо успевала. В олимпиаде городской третье место заняла в восьмом классе.

Первая повесть в сборнике называлась «Можно только уйти». Повесть про енотов. Это из-за неё я чуть не схлопотала тройку по биологии. Пересказывать сейчас не буду, ведь всё равно получится пересказ пересказа – моего же собственного. Вы знаете, что все повести из той книги у меня в тетрадке. Не полный текст, само собой. Фабулы в общих чертах и детали кое-какие. Всё, что я смогла восстановить по памяти в восемьдесят восьмом году, когда училась на втором курсе в Нижнем. Я сегодня утром отсканировала эту тетрадку наконец. Переслала вам.

Вы уже посмотрели?.. О, и распечатали даже... Первые четырнадцать страниц – это «Повести латышских писателей», собственно. А две последние страницы – контрольный пересказ «Часа быка» Ефремова. Это сиквел «Туманности Андромеды». Не сиквел, точнее, а просто в той же вселенной действие происходит, через много лет. Особой фанаткой «Туманности» я никогда не была, но здесь тот редкий случай, когда продолжение на голову выше первой книги. «Час быка» – один из немногих текстов, которые на меня в детстве произвели впечатление, хоть как-то сопоставимое с латышскими повестями. Причём читала я его примерно тогда же, на летних каникулах после седьмого класса. Ещё важно, что Ефремов был не наш. Папин сослуживец мне дал почитать старые номера «Молодой гвардии» – там «Час быка» печатали в конце шестидесятых. Его же почти двадцать лет не переиздавали, редкость была страшная. Мне, по крайней мере, он больше не встречался до перестроечных изданий. Чище эксперимента не придумаешь!

Мне очень важно было знать – не для других, а для себя важно, – что я правильно помню латышские повести. Как я ещё могла в этом убедиться? Только по аналогии, только при помощи контрольного эксперимента. Сначала записала всё, что помнила из «Повестей». Потом – вдогонку, не переводя дыхания, – всё, что помнила из «Часа быка».

У сокурсника было как раз новое издание, только-только вышло тогда. Со звёздочками на обложке, Волго-Вятского издательства. Он в институт его приволок по моей просьбе. Я хорошо помню, как присела где-то в коридоре с Ефремовым и с тетрадкой своей, как жадно бросилась воспоминания с оригиналом сличать. Бог ты мой, сердечко замирало от волнения... Хотя, в общем-то, напрасно замирало. Оказалось, не так уж я много и переврала четыре с лишним года спустя. Впрочем, вы не полагайтесь на моё слово. Сравните сами. Там уж решите, насколько мне можно верить.

Я (героически, прошу отметить) перечитал «Час быка» и сравнил его с пересказом в тетради Негиней. В романе Ефремова около 400 страниц (зависит от издания). В пересказе – две тетрадные (тетрадь в клеточку, почерк убогий, текст в каждой строчке, всего около 700 слов). На первый взгляд, не густо, но после того, как я сам попробовал изложить в письменном виде роман Сорокина, прочитанный года два назад, мнение моё сильно изменилось.

Более того, пересказ Негиней довольно точен. Имена героев она, правда, за четыре года подзабыла, но это немудрено, потому что героев там зовут Мента Кор, Олла Дез, Хонт-ээлло Толло и т. д. Из этой ономастической кунсткамеры Негина запомнила «Фей Родис», главную героиню (у Ефремова «Фай Родис»), и «Чуго Чагаса», главного злодея (у Ефремова «Чойо Чагас»).

Общий сюжет романа изложен в тетрадке без каких-либо заметных мне расхождений с оригиналом.

Мой героизм, кстати, не ограничивается чтением «Часа быка» как такового. Журнальная версия 1969 года в «Молодой гвардии», равно как и версия в «Технике – молодёжи», а также единственная доперестроечная книжка 1970-го выходили с цензурными купюрами. А Волго-Вятское издание 1988 года содержало уже полный авторский текст. Я специально прочитал

и авторскую версию, и урезанную застойную. Следствием установлено: тетрадка Негинной не содержит ни одной подробности, которой не было в «Молодой гвардии».

Но я не досказала вам про книгу. Ровно через неделю я зашла в магазин после уроков, чтобы деньги отдать. Рубль, помню, у мамы выпросила, остальное из своих копеек наэкономила. Книга у меня с собой была, в портфеле...

До сих пор больно об этом вспоминать. Клянусь себя, что не оставила книгу дома... Мама меня потом пыталась утешить, безутешную. Говорила, что они бы всё равно к нам за книгой пришли – продавщица или кто её так припугнул... Но мне не верится. Не верится, что кто-нибудь в восьмидесятые годы пошёл бы у девочки тринадцатилетней сборник фантастики отбирать. Тем более у нас в Борске. Поймите, у родителей же целые папки самиздата всю жизнь лежали по шкафам: там тебе и Солженицын, и Войнович, и «Гадкие лебеди» Стругацких, и статьи даже какие-то диссидентские. У знакомых самиздат брали читать, сами давали читать. И никто нас никогда не трогал. В режимных городах это было в порядке вещей. Учёные-оборонщики жили как в хорошем зоопарке: вольер большой, кормят на убой, резвись как хочешь в пределах колючей проволоки. Им позволялось запрещённой литературкой баловаться...

И, ну честное слово, ну что там в ней такого было, в этой фантастике? Вы почитайте мои пересказы. Чего там такого ужасно антисоветского, чтобы мандраж вызвать у бедной продавщицы? Как она на меня налетела... Я только вошла в магазин, радостная вся, в кулачке заветный рупь с мелочью, а она сразу выскакивает из-за прилавка: «Леночка! Ну слава богу, пришла! У тебя не с собой, случайно, книжка?» Мол, кое-что проверить надо для отчётности. Я как дурочка расстёгиваю портфель. Достая книгу, протягиваю ей. В одной руке книга, в другой деньги. А она буквально вырывает книгу у меня из руки! И отскакивает от меня, представляете? Отскочила – и бегом за прилавок. Видимо, чтобы барьер между нами был.

Как сейчас её вижу: стоит, держит книгу обеими руками на уровне груди. Смотрит на меня. Чуть не плачет. Говорит мне: «Леночка, прости меня, пожалуйста. Эту книжку нельзя продавать». И она долго так стояла, объясняла всё что-то, извинялась передо мной.

А я, само собой, в шоке: «Вы же обещали! Я же вам деньги принесла!» Она опять: «Леночка, извини, извини, никак нельзя эту книжку продавать». И я разозлилась. Закричала на неё: «Почему нельзя?! Это же теперь не ваша книга! Мне её та женщина продала, а не вы!» В конце концов продавщица просто сбежала от меня. Скрылась в подсобном помещении вместе с книгой.

В магазине, по-моему, были и другие покупатели. Точно не вспомню. Видимо, никто за меня не заступился. Что самым большим шоком стало – Игорь Трофимович, и тот за меня не заступился. Он ведь был на своём рабочем месте, в своём отделе. Я подбегаю к нему: «Игорь Трофимыч! Игорь Трофимыч! Скажите вы ей!» А он только глаза отводит. «Увы, Лена, ничем не в силах вам помочь, это не моя сфера ответственности». Как-то так в своём высокопарном стиле он выразился.

Но последней каплей стало не это, а двадцать копеек. Которые я сразу заплатила, помните? Вдруг Игорь Трофимыч суёт мне эти двадцать копеек. Вот, мол, Марьяванна, или как её звали, сейчас вышла, не может вам вернуть уплаченную часть суммы. «Давайте я за коллегу с вами рассчитаюсь». Я думаю: ах так! Ах, вы, значит, с ней заодно, Игорь Трофимыч! Так подавитесь же своими деньгами! К счастью, вслух я ничего не сказала. Размахнулась только и швырнула свой рубль с копейками ему на прилавок. Шмякс! И домой побежала.

Дома долго крепилась, маме не говорила ничего. Потом не выдержала. Разревелась, всё рассказала. И мама ходила в магазин, разбиралась. Ей вернули деньги, которые я на прилавок швырнула. Про книгу сказали, что якобы запрос пришёл прямо из Москвы в комиссионный отдел. Якобы приказали «Повести латышских писателей» при поступлении незамедлительно отсылать в Главлит с указанием фамилии-имени-отчества того, кто принёс.

В общем, сначала припугнули маму как следует, а потом включили «хорошего полицейского»: «Ой, да вы не волнуйтесь, мы имя вашей дочки никому не сообщили». Мама вышла оттуда с чувством облегчения и глубокой благодарности. Мне сказала дома: «Радуйся, что нас всех пронесло». Она боялась, естественно, что проблемы будут на работе у неё и у отца, если я влипну в историю с конфискованной литературой.

Ну вот. Это, наверное, всё. Тетрадку я вам отсканировала с пересказами. Саму книгу я больше нигде не видела и ничего про неё никогда не слышала. На «Фантлабе», вы сами знаете, о ней ни одного слова нет, кроме моих запросов на форуме. А ведь на «Фантлабе» есть всё! Самый захудалый рассказик можно найти шестьдесят пятого года из районной газеты в Туркмении. Не ссылку, так хоть упоминание: вот, мол, был и такой рассказик. Куда мог целый сборник провалиться? В глянцевого обложке?

Вы даже не представляете, как я рада была, когда вы меня нашли... Бог ты мой, как я была рада... Засмеялась от радости, когда получила ваше сообщение на работе. «Я не чокнутая! Я не выдумала своих латышских писателей! Они на самом деле были!»

Сразу Иле написала. Подруге своей институтской, помните? Написала ей: «А ты мне всё не верила! А на-ка выкуси теперь!» Сколько лет Илька подшучивала надо мной: «Ха-ха-ха, Негина Ленка, золотой фонд латышской фантастики...» «Ленка, учи латышский, за тебя никто эти повести не напишет...»

В «Книжный на площади» я, наверно, потом полгода не ходила. В страшной обиде была на Игоря Трофимыча. Про продавщицу комиссионного отдела вообще думать не могла. Всё кипело внутри, слёзы подступали сразу. В этом возрасте иногда бывает умереть проще, чем какое-нибудь элементарное действие сделать: два слова сказать мальчику, шарф тёплый надеть. Зайти в книжный магазин... Но в итоге новое страшное горе мне и помогло: в восьмом классе я по уши влюбилась в десятиклассника из другой школы. Страдала так, что туши свет. Все обиды вдруг стали детскими, неважными на фоне моей грандиозной несчастной любви. Снова начала в книжный ходить, начала с Игорем Трофимычем разговаривать, как будто и не было того инцидента. Тем более что в комиссионный отдел новая продавщица пришла. А та, южная, маленькая, пропала куда-то...

Вы пишете обязательно, если вопросы будут по тетрадке. Новых подробностей я уже не вспомню – разве что насочиняю. Но каракули свои могу помочь разобрать.

И да, вы же про Болонью ещё спрашивали – не было ли сходства. Не было ли параллелей каких с Болоньей. Нет, к сожалению. Ничего похожего у латышских фантастов не помню. Всё, что помнила в восемьдесят восьмом, – всё в тетрадке.

Но мне другое вспомнилось. Не то чтобы связано с Болоньей или даже с книгой, но ассоциация почему-то возникла. Когда я была маленькая, у нас в Борске ходило поверье о незнакомках, которые спрашивают, как пройти. Можно сказать, специфический городской фольклор. Только в режимном городе такое могли придумать.

Понимаете, поскольку город закрытый, случайных приезжих у нас не было. Если кто-то приезжал «из-за зоны», он всегда знал, куда идти. Поэтому на улицах у нас не спрашивали, как пройти. Спросишь – на тебя сразу косо смотрят: а ты кто? А что ты тут делаешь? А не сдать ли тебя в милицию от греха подальше? Вот на этой благодатной почве и выросла легенда о влюблённой девушке и её страшной мести.

Якобы дело было ещё в последние годы жизни Сталина, когда строительство города лично курировал товарищ Берия. В Борск тогда нагнали учёных из лучших институтов страны. Среди них было много молодых, не все ещё успели обзавестись семьями. И у одного молодого учёного осталась «за зоной» любимая девушка – то ли в Москве, то ли в Горьком, то ли ещё где.

Миллион было версий насчёт того, кто этот учёный. Утверждали, что он ещё жив, что это старый холостяк Иванов или старый холостяк Петров – все немолодые одинокие мужчины на эту роль годились. Про девушку объясняли, что она была то ли еврейка, то ли дочь репрес-

сированного, и молодому человеку прозрачно намекнули: или забудь эту свою любовь, или забудь о своей научной карьере – с такой неблагонадёжной бабой тебя на сто километров к бомбе не подпустят.

Молодой человек долго мучился, но в конце концов выбрал бомбу, потому что очень хотел послужить Родине. Уехал он из Москвы или Горького и, естественно, не сказал девушке куда. Сам, во-первых, не знал, а во-вторых, это была государственная тайна. Пообещал только: «Любимая, я исполню свой долг перед Родиной и обязательно вернусь. Жди меня».

Девушка ждала-ждала, тосковала-тосковала и не выдержала: отправилась на поиски суженого. Почему её не арестовали сразу и не отправили в лагерь за эти поиски – об этом история умалчивает. Видимо, любовь преодолела все преграды. Всеми правдами и неправдами добралась девушка до Борска и разузнала даже, в каком месте работает её молодой учёный. И так ей не терпелось поскорей его увидеть, что она забыла про всякую осторожность и прямо на улице спросила у прохожего, как пройти в такую-то лабораторию.

Прохожий, не будь дурак, сразу заподозрил, что дело неладно, и побежал к чекистам. Тревога, мол. По улицам сверхсекретного города ходит шпионка, ищет сверхсекретную лабораторию! Девушка уже почти дошла до своего возлюбленного, уже он увидел её в окно и закрычал от радости, замахал руками, как вдруг из-за угла выскочили сотрудники органов, все в фуражках и с револьверами, схватили девушку и утащили в свои застенки.

На следующий день в Борск приехал с инспекцией Берия. Он регулярно приезжал, чтобы проверить, как продвигается строительство. Чекисты ему сразу доложили, что поймана шпионка. А Берия, как известно, был большой бабник и насильник, много женщин погубил. «Покажите-ка, – приказал, – мне эту шпионку». Привели ему девушку из застенков. Девушка, сама собой, была красавица, каких мало. У Берии сразу слюнки потекли. «Здесь дело высшей государственной важности, – говорит. – Я эту шпионку лично буду допрашивать». Взял бедную девушку под руку, весь галантный такой, и увёл к себе в кабинет, плотоядно улыбаясь. А в кабинете у Берии ликёры, эклеры, сервелат, конфеты шоколадные – такое изобилие, какое девушка только в «Книге о вкусной и здоровой пище» видела в библиотеке. Напоил её Берия, накормил и показывает на диван: «Отдашься по-хорошему, – говорит, – отпущу тебя завтра, и можешь идти жить со своим физиком, сколько хочешь. А не отдашься – сгною в лагерях вас обоих». Девушка поплакала, но делать было нечего. Легла на диван ради своего суженого. Всю ночь Берия её насиловал, а под утро, когда наигрался, вызвал своих палачей: «Увести и расстрелять эту подстилку англо-американскую!» Вытащили девушку на улицу в предраусветных сумерках, всадили ей пулю в затылок и сбросили в котлован на ближайшей стройке.

Насчёт этой стройки тоже было много разных версий. Одни говорили, что девушка закопана под фундаментом Дворца культуры. Другие говорили, что под горкомом или под одним из институтов. Помню, рассказывал даже кто-то, что под нашей школой её останки покоятся, под спортивным залом. Про Семёныча, физрука нашего, рассказывали, что он рано поседел, потому что за полночь однажды в школе остался, инвентарь чинил, и убитая девушка к нему пришла прямо в подсобку. Никто в это серьёзно не верил, по-моему. Так, сочиняли, чтобы нервы друг другу пощекотать...

Независимо от места захоронения, все версии сходились в главном: после того как Берия изнасиловал и убил ту девушку, в городе стали появляться таинственные незнакомки. Они спрашивали у людей, как пройти. Рассказывали про незнакомок этих, что выглядят они совершенно обычно, одеты совершенно обычно, не отличишь от нормальных жительниц Борска, от обычных женщин. Ты идёшь себе по улице, особенно если в сумерках, и вдруг такая незнакомка вырывается из-за угла и говорит: «Извините, не подскажете, как пройти на такую-то улицу?» Или в такое-то учреждение, или прямо к человеку такому-то. И говорили, что если тебя такая незнакомка спросила, то у тебя только два варианта. Если объяснишь, как пройти, она тебя поблагодарит, пойдёт дальше, и тебе ничего не будет, но на улице, про которую она

спросила, или в учреждении этом – там обязательно кто-нибудь умрёт. А если не объяснишь, скажешь «не знаю», то пеняй на себя: она извинится, что побеспокоила, и тоже пойдёт дальше и пропадёт, но тогда умрёшь ты, в этом же году или даже в ближайшие дни.

В этих незнакомках, помню, мы точно верили. Я классе в третьем-четвёртом, когда надо было идти по улице в сумерках, страшно боялась, что вот сейчас подойдёт ко мне такая незнакомка, спросит. И придётся тогда или на смерть обречь кого-нибудь, или самой умереть.

Вот. Чем богата, тем и рада, как говорится. На то, что в Болонье случилось, не очень похоже, я предупреждала. Но почему-то мне вспомнилось сразу. Какое-то похожее чувство, похожее настроение у меня вызвало это происшествие итальянское.

В формате «1,78» в восьмидесятые указывалась розничная цена на книгах рижского издательства «Лиесма». Издательство существовало с 1940 по 2001 год. До 1965 года являлось частью Латвийского государственного издательства. Специализировалось на выпуске приключенческой и фантастической литературы на латышском и русском языках.

Часть архивов «Лиесмы» после закрытия издательства, видимо, попросту выкинули. То, что сохранилось, находится в Рижском городском архиве на ул. Ата, дом 1. Мы с Витой были в архиве. Судя по документам, ни один из сборников фантастики, выходивших в «Лиесме» с 1965 по 1988 год, не соответствует описанию Негинной.

*Кроме того, мне удалось разыскать четырёх бывших сотрудниц «Лиесмы», работавших в издательстве в советский период: Викторию Смирнову (редактор, 1978–1987 годы), Майю Драгуне (художественный редактор, 1979–1996 годы), Дзинтру Яунземе (корректор, 1981–1990 годы) и Евгению Груздеву (корректор, 1974–1991 годы). Никто из них не помнит ни русскоязычного сборника под названием «Фантастические повести латышских писателей», ни *Latviešu autoru zinātniskā fantastika*. Никто не помнит повестей, напоминающих пересказы Негинной или Яновской.*

Смирнова была особенно категорична: «Ничего похожего на то, что здесь у вас описано, – заявила она мне под запись, – в Риге не выходило никогда. Ни на каком языке. И в наборе при мне такого не было. При других редакторах, уверяю вас, тоже. Как минимум половина этих ваших повестей – если бы они мне в то время попали на стол, я бы их сразу вернула авторам и по-человечески порекомендовала никому не показывать. Мои предшественники, уверяю вас, поступили бы точно так же. Я вам больше скажу: рассказ вашей информантки из Костромы-17 вызывает у меня очень, очень сильные сомнения. Не в том смысле, что она путает Латвию с Литвой. Я вообще не могу себе представить тексты подобного рода в официальной советской печати раньше восьмидесят восьмого года. Восьмидесят седьмого, в крайнем случае. Либо она выдумала всю историю от и до, либо это был самиздат, ходивший под видом перевода с латышского. Допускаю, что какие-то самиздатовские тексты произвели на девочку сильное впечатление и обросли в её памяти красочными полиграфическими деталями. Во всяком случае, это единственное правдоподобное объяснение, которое я могу предложить».

Свидетель № 4

Цихненко Пётр Юрьевич

Киев, 1985

Год и место рождения: 1970, Болград.

В 1975–1996 гг. проживал в Киеве.

В 1996–2014 гг. проживал в Москве.

С 2014 г. живёт в Германии (кочует между Берлином и Лейпцигом).

Профессия: звукооператор.

Дата наводки: 11 августа 2019.

Воспоминания присланы 18 августа 2019.

Пытался заполнять ваш вопросник по пунктам и без лирических отступлений, одними голыми фактами, но на четвёртом вопросе бросил, чтобы не вводить вас в заблуждение. Голых фактов от этой истории у меня в памяти раз, два и обчёлся. Каждая деталь закутана в сто одежек без застёжек, и кажется, если начнёшь эту капусту разворачивать слой за слоем, останешься без кочерыжки. Кажется, что никаких объективных фактов у меня в голове давно нет, что они там все расплющены ностальгией, намертво к ней припаяны, и, когда я пытаюсь их отодрать и вытащить наружу, я просто их выдумываю задним числом. Получается стройненько, как в анкете на визу, но в анкетах сам бог велел врать по необходимости, а вам я врать не хочу. Я вам честно хочу помочь. Если эту книгу в принципе можно найти, её надо найти обязательно. Обязательно!

Впрочем, я сгущаю краски. Два факта без обёртки у меня для вас есть. За них даю голову на отсечение. Допускаю, что другие ваши источники правы. Допускаю, что и в Прибалтике действительно выходили какие-то свои таинственные сборники фантастики. Но книга, которую я видел, которую держал в руках и читал, однозначно называлась «Фантастичні повісті львівських письменників», то бишь «писателей». В содержании книги, рядом с названием одной повести, было написано: «Авторизований переклад з російської». Мне это врезалось в память, потому что я понятия не имел, что такое авторизованный перевод, и у кого-то потом спрашивал, что это значит. Или у матери, или у бабушки, точно не вспомню.

Я, уж вы мне поверьте, знаю, что в интернете нет никаких следов книги с подобным названием. Сам обыскался. Но от своей памяти отказаться не могу. В этом случае – не могу. Потому что если это воспоминание ложное, то я тогда и не знаю, что в моём прошлом не ложное.

«Фантастичні повісті львівських письменників» и «авторизований переклад». Это всё. Это худо-бедно информация, а дальше пойдут эмоции, то бишь ностальгические сопли, и автобиография.

Я родился в городе Болграде Одесской области и жил в тех краях до пяти лет, в военном городке 98-й дивизии ВДВ. Мой отец, скатертью ему Царствие Небесное, служил там. Он был высокий, атлетичный, глядел на мир орлиным взором, собирался дослужиться до генерала в кратчайшие сроки. Сам я то времечко золотое почти не запомнил, зато фотографии сохранились. Можно, наверное, порывшись в московских телеархивах, отыскать даже передачу

«Служу Советскому Союзу» за май семьдесят третьего, в которой отца показали сколько-то там секунд...

Почему я это рассказываю? Потому что в Киев мы переехали, когда отцовская военная карьера скорострительно оборвалась на старшем лейтенанте. С темпераментом отцу (и нам всем заодно) не повезло. Взор был орлиный, а нрав реально бычий. Тронешь не за то место, и глаза кровью наливаются. В один прекрасный день набил папа морду капитану, причём набил обстоятельно, до крови и выбитых зубов. Чуть его не посадили, но как-то замяли дело в конце концов. Только уволили из доблестных рядов с убийственной формулировкой в том духе, что этого лучше не подпускать к общественности.

Из военного городка, естественно, пришлось уехать. А куда ехать? Десантировались (папа, мама, я, сестра моя младшая) на голову маминым родителям, то бишь в Киев. В маленькой комнате – бабушка с моей сестрёнкой (дед умер вскоре), в большой комнате – я с родителями. Хорошо хоть дом был новой планировки, кухня девять метров.

Бабушка отца недолюбливала, даже когда он был бравым десантником с отдельной жилплощадью. А после нашего переезда в Киев она с таким ледяным презрением к нему относилась, что удивляюсь до сих пор, как дело до смертоубийства не дошло. Отец люто ненавидел её в ответ, часто психовал, орал. Но мама как-то это всё разруливала. Ох и натерпелась она... И зачем, спрашивается?

Мама в Болграде работала в детсаду и в Киеве нашла себе детсад, с этим проблем не было. А отец несколько работ сменил. Сторожем работал, грузчиком в речном порту, потом ПТУ окончил по ускоренной программе, устроился слесарем в седьмой автопарк. Стал себя считать кондовым пролетарием. Свой конфликт с бабушкой переосмыслил в духе классовой борьбы. Регулярно приходил домой поддатый и заводил патефон про то, как он, работяга, соль земли, опора советской власти, живёт под каблуком у кабинетной крысы. Бабушка кадровиком работала как раз в седьмом автопарке. Этот автопарк был на тот момент чуть ли не самый образцовый в Союзе. Отца туда взяли по бабушкиной протекции. Он, естественно, только сильнее её за это ненавидел.

Наша фамильная летопись не имеет отношения к львовским писателям. Но без неё не понять, какую роль книга, которую вы ищете, сыграла в моей жизни, почему она послужила одним из катализаторов превращения, которое со мной случилось в восемьдесят пятом году.

(Стоп! Ещё один голый факт для вашей анкеты: 1985 год. Февраль-май.)

Годам к одиннадцати я твёрдо занял сторону отца в его холодной войне против бабушки. Выразалось это в том, что я целенаправленно ожлобился. Лез из кожи вон, демонстрируя, что я тоже пролетарских кровей, как любимый папа. Представление о том, как себя должен вести подрастающий рабочий класс, у меня при этом было самое снобское. Учись плохо, харкай громко, шляйся с утра до вечера по массиву (это район в Киеве – Комсомольский массив), кури сигареты, у родителей скоммунизженные.

Хотя сам я почти не курил. Потому что настоящий мужик, по заветам отца, должен был спортом заниматься, здоровье крепить. Я с девяти лет в секцию бокса ходил. К восьмому классу буквально все пацаны в нашей компании курили, но я-то был боксёр, у меня была уважительная причина. «Не дышите на Боксёра, у него завтра ответственный поединок». Так пацаны надо мной подшучивали. Но в шуточках слышалось уважение, потому что от меня можно было и по морде схлопотать. Несколько лет подряд, пока не встретил Сашу и её фантастику, это для меня было главным источником гордости – моя репутация человека, который в морду даст, если что не то ляпнешь. Это была высшая стадия мужественности в табели о рангах, которую я перенимал у отца.

Теперь вы знаете, что я из себя представлял, когда познакомился с Лесюк Александрой Александровной. С Сашей из физматшколы... Её имя тоже, наверное, факт... Предполагаю, что вы будете её искать. Это дело нехитрое, но я сэкономлю вам пять минут.

Здесь у Цихненко в письме три ссылки на аккаунты женичины по имени Alex Lesyuk Parineau в Facebook, ResearchGate и LinkedIn. Все три аккаунта были удалены в течение суток после того, как я первый раз прошёл по ссылкам. Подчёркиваю: не закрыты для посторонних, а удалены напрочь, будто их и не было. К счастью, я предвосхитил грядущий подвох, т. е. снял сразу же и распечатал скриншоты всего, что было в публичном доступе. (Никто не ценит по достоинству мою предусмотрительность...) Прилагаю скриншоты с указаниями нестыкровок.

См. также мои соображения об Александре Лесюк в «Предварительных выводах» (раздел «Распространители»).

Саша в Бостоне живёт уже пятнадцать лет. Когда с ней свяжетесь, пожалуйста, не говорите, что нашли через меня. Если возможно. Очень вас прошу.

Мы познакомились не то чтобы случайно, но, можно сказать, неожиданно. В восьмом классе я окончил вторую четверть ещё хуже, чем обычно, с двойками по геометрии, физике и украинской литературе и с хилыми тройками по всем остальным предметам, кроме труда и физкультуры. У Маргариты Сергеевны, нашей классной руководительницы, лопнуло терпение, и она, что называется, вызвала меня на ковёр вместе с родителями.

Отец, к счастью, не пошёл, пришла только мама. Маргарита посадила нас обоих за парту в кабинете истории, нашем классном кабинете, сама встала перед нами, скрестила по своему обыкновению пальцы и, потрясая этими скрещёнными пальцами, расписала, как я качусь по наклонной дорожке ко всему нехорошему. Продолжила в том духе, что школа очень гордится моими успехами на ринге (а я как раз третье место занял в своём весе на республиканских соревнованиях среди юниоров) и видит в моём лице восходящую звезду советского спорта, и все относятся ко мне с пониманием и стараются подтянуть, где подтягивается, но надо ж когда-нибудь и совесть иметь. Потому что если совесть так и не появится, то нянчиться со мной никто не будет – выпустят меня из восьмого класса со справкой.

Эта речь на меня впечатления не произвела, меня в школе уже не первый год стращали таким образом, а потом всё равно махали рукой и ставили тройки. Но маму выступление Маргариты довело до слёз. Каковые слёзы она, однако, быстро вытерла и там же, при Маргарите, впервые сказала мне прямым текстом всё, что думает о пролетарском самосознании отца и его влиянии на мои жизненные ориентиры.

Как начала мама говорить, так и не смогла остановиться. И выяснилось, что у отца припрятан неслабый семейный скелет в шкафу. Я никогда не видел папиных родителей и думал, что они умерли до моего рождения. У нас в семье о них попросту не говорили, если не считать неясных отцовских намёков, из которых вытекало, что бабушка с дедушкой, суровые люди труда, ушли трагически рано, надорвавшись на стройках коммунизма.

Все эти намёки оказались полной ерундой. Точнее говоря, бабушка действительно умерла за два года до того, как я родился, и дед на самом деле отметился на стройках коммунизма. Но никаким пролетариатом у них в семье и не пахло. Бабушка преподавала французский в университете и умерла от рака, а дед свой коммунизм строил в казахском лагере, пока отсиживал десятку за «буржуазный национализм». Его друг в тридцатые устраивал у себя дома вечера украинской поэзии, ну и доустроивался – всех посадили. А на воле дед был профессиональным актёром. Что самое анекдотическое: он всё моё детство читал сказки и всякую детскую литературу на киевском радио, и я сто раз слышал его голос, потому что мама специально включала деда нам с сестрой, когда мы были маленькие. Мама исходила из того, что рано или поздно дед с отцом помирятся, и тогда все скажут ей спасибо за то, что дети хотя бы по радио дедушку слышали.

Почему отец и дед рассорились на всю жизнь – это отдельная печальная комедия, от которой я вас всё же избавлю. Важно, что мамины откровения в тот день (в кабинете истории, нарочно не придумаешь!) пробили брешь в моей упёртости. У меня как будто почва ушла из-под ног, когда я узнал о своей интеллигентской родне. Я вдруг повис над своим будущим, как над пропастью на крючке, и заболтал ногами. Угроза, что меня со справкой даже в нормальный техникум не возьмут, возымела действие. Я дал Маргарите Сергеевне обещание, что выползу на твёрдые тройки по украинской лит-ре и по всем точным наукам.

Но Маргариту мои обещания не удовлетворили. «С Петей, – сказала она, – нужно заниматься во внеурочное время». Посоветовала нашего активиста-отличника Федю Капусту, которого вечно заставляли двоечников подтягивать. Я сказал, что скорее удавлюсь, чем у Феди буду уроки брать. Наверное, какие-то ещё кандидатуры рассматривались. И в один судьбоносный момент Маргарита предложила Сашу, дочку своих знакомых: «Очень умненькая девочка из Львова, в физмате в девятый класс ходит, на одни пятёрки учится, самостоятельная, взрослая, поставит Пете мозги на место».

Эх, дорогая Маргарита Сергеевна. Как в воду глядели вы...

Заниматься с Сашей я начал в январе. Точно после Нового года. Она приезжала к нам раз в неделю, по четвергам ближе к вечеру. Тридцать четыре года прошло, а я до сих пор в четверг утром, бывает, просыпаюсь с таким светлым чувством, как будто сегодня тайный, одному мне известный праздник. И несколько секунд, пока действительность не навалилась, так солнечно в голове и так жить хочется...

Саша жила в интернате при физико-математической школе (туда принимали одарённых старшеклассников со всей Украины) и до нас добиралась на троллейбусе с пересадкой на метро на Крещатике. По-хорошему, это я, боксёр и оболтус, должен был к ней таскаться через весь город, но у них строго было с гостями в общежитии, да и соседкам по комнате Саша не хотела мешать. Сегодня мы бы запросто такую проблему решили, занимались бы в центре в какой-нибудь кафешке. А тогда, в совковом общепите, какие к чёрту занятия! Вот и приходилось сначала Саше переться к нам на массив, а потом мне провожать её обратно через весь город, потому что она уже по темноте от нас уходила.

Это не Саша боялась одна возвращаться, это моя мама настояла. Я сначала полным идиотом себя чувствовал, провожая Сашу после занятия. Но очень скоро мои чувства повернулись на сто восемьдесят градусов. Проводы Саши стали главным событием недели. Жизнь расщепилась на две неравные части. В одной части, настоящей, я ходил с Сашей до метро, ехал с ней в метро, ждал с ней троллейбус на Крещатике, ехал с ней в троллейбусе до Феофании, шёл с ней от остановки до интерната, говорил: «Ну, до четверга!» очень деловым тоном, возвращался домой в счастливом трансе. В другой части, понарошечной, происходило всё остальное. С каким тоскливым ужасом я отмечал той весной, что световой день становится всё длиннее и, следовательно, мой формальный повод провожать Сашу исчезает, – это уму непостижимо. Моему нынешнему уму...

Самое странное, мне почти до самого конца не приходило в голову, что я влюбился. Что это можно так назвать: «влюбился». В Сашу! Бред! Я к середине восьмого класса имел какой-то минимальный опыт с девочками. Буылочка, прогулки, поцелуйчики и, в порядке наивысшего спортивного достижения, пыхтение с потискиваниями через одежду в пионерском лагере. Но здесь, кроме желания облапать Сашу сверху донизу, было что-то другое, что-то ещё сильней. Какая-то сладенькая наркотическая тоска была, чувство своей тотальной, неизлечимой неадекватности рядом с человеком, который умнее, красивее и (ну как ещё сказать?) человечнее тебя по всем параметрам. Ни до, ни после Саши я ничего подобного не испытывал.

Она казалась очень взрослой. Не соврала Маргарита Сергеевна. На год с чем-то всего Саша была старше меня, но держалась иногда, как будто успела прожить раза в два дольше. Небольшого роста при этом, на целую голову ниже меня, и довольно шуплая на вид под своим

зелёным свитером. Грудь маленькая, бёдра почти мальчишеские. Ни разу в жизни я больше такой женщиной не увлекался...

Сашина взрослость была прежде всего в лице. Посмотрите по ссылкам, какой твёрдый, спокойный взгляд. У неё и в шестнадцать лет был такой же. Но главное всё же, как она вела себя, как со мной общалась во время занятий и в троллейбусе, как с моими родителями и с бабушкой общалась. Я потом, лет через двадцать, понял, что поведение истинно взрослого человека можно описать как искренность с мощным фильтром. Взрослый человек далеко не всегда говорит, что думает, но почти никогда не говорит, чего не думает, почти не сползает в роли, которые не хочет играть. Я, по-моему, до сих пор этому не научился. Обрюзг, поседел, но так и не научился. А у Саши это как будто само собой получалось.

Я не говорю уже про физику и всё остальное. Поражали даже не сами знания Сашины необъятные, а её увлечённость. Невооружённым глазом было видно, что она ловит кайф от сохранения импульса, от закона Гука, всемирного тяготения, вращающего момента, от векторов, центров масс, угловых скоростей. Понимаю я там или не понимаю, что она объясняет, – это её, думаю, не сильно волновало в конечном счёте, ей просто нравилось выводить следствия из всяких законов природы, покрывать клетчатые листки формулами, выправлять карандашом кривые вычисления, которые я готовил к нашим занятиям.

До Саши я был уверен, что неподдельной любви к школьным предметам не бывает в принципе. Я думал, отличники-энтузиасты, как Федя наш Капуста, – сплошные притворщики и учительские жополизы. У меня потом ещё к любителям классической музыки много лет было похожее отношение. Тоже не мог никак поверить, что они не придуриваются, пока не сдружился в Москве с одной редакторшей, которая часами объясняла, страстно жестикулируя, почему Третий фортепианный концерт Бартока гениальней Второго. Саша особо не жестикулировала, только ладонью крутила перед собой, если не могла с ходу найти самое точное слово. Но физику, математику – да всё, что ей было интересно, обсуждала как заведённая.

(Важно: по мере того, как я пишу, во мне почему-то крепнет уверенность, что вам пригодится в поиске эта информация – о том, какая она была, Саша Лесюк из физмата. Мне всё ясней кажется, что должна быть какая-то зацепка в её поведении.)

Сразу после пяти она к нам приходила, в 17.05–17.10. Кроме меня в это время только Веруня бывала дома, моя сестра. В мои обязанности входило сделать Саше чай с бутербродами. Я добросовестно резал батон наискось, намазывал масло слоем потолще, присыпал солью чуть-чуть, шлёпал сверху кругляш «Любительской» или, если сыр был дома, сыра кусок. Ставил всё на стол в большой комнате, где мы занимались. Саша, когда прибежала, споласкивала руки сначала, потом садилась, прислоняла к ножке стола затасканную сумку из жёлтого кожзаменителя с толстой металлической застёжкой, хваталась за бутерброды, а параллельно уже пробежала глазами, что я там наворотил в домашней работе и какая у меня следующая запущенная тема по учебнику.

У неё любимая присказка была: «Ой, а вот это интересно». За этой фразой всегда следовал монолог на тему. И я загадывал каждый раз: успеет она сегодня до первого «ой, а вот это интересно» доест бутерброд? Или не успеет? Чаще не успевала. Увлекалась, начинала раскрывать тему прямо с огрызком колбасы в левой руке, забыв про него совершенно, и так хоть целых полчаса, пока не напомним ей: «Саша, бутер зачерствеет!»

За ужином ничего похожего не происходило. Ужином Сашу кормила бабушка. Она первая приходила с работы, мать после садика обычно по очередям бегала ещё, а отец, слава богу, с четырёх в том году работал, его и дома-то не было по вечерам. Я заметил скоро, что бабушке нравится Сашу кормить, общаться с ней. Бабушка неулыбчивая была по жизни, строгая, сестрой моей как Золушкой командовала, но здесь она подтаивала. Наливала нам с Веруней и Сашей супа, сама не садилась, стояла у холодильника, скрестив руки, спрашивала, слушала и улыбалась как будто вопреки своей воле.

Темы у этих кухонных бесед были самые разнообразные. Обсуждались Сашины планы на будущее (явно в укор мне), её школа, Киев, Львов, новости науки, современная литература. Саша говорила охотно, но совсем не так, как во время занятий. Еду не забывала. Выдерживала паузу, словно в уме всё проговаривала заранее, и отвечала готовыми абзацами – ни прибавить, ни отнять ни слова. Мы с Веруней реально в рот ей смотрели, особенно когда она по-украински говорила такими абзацами. Бабушка, от которой я никогда раньше мовы не слышал, иногда нарочно задавала Саше вопросы на украинском и слушала её ответы, как ласку плюшевого пледа из «Жестокого романса», глаза прищурив от удовольствия. Вздыхала то ли понарошку, то ли всерьёз: «Ох, Олександра, така в вас мова гарна, цілий день вас слухала б!»

Потом, по дороге в метро, Саша опять менялась. Пока мы добирались до Феофании, она мало говорила сама, но делала так, чтоб говорил я. Она кивала, посмеивалась, вставляла короткие комментарии, задавала наводящие вопросы, то есть опять же (я это понял много лет спустя) вела себя как взрослый человек, который не хочет на самом деле ни о чём с тобой разговаривать, но умеет скрыть это нежелание самым эффективным способом – создав у тебя приятную иллюзию, что ты говоришь страшно интересные вещи. Поймите меня правильно: Саша не *изображала*, что ей интересно. Она как будто подпорки для меня расставляла своими замечаниями, из вежливости, ну а скакал по этим подпоркам, заполнял время словами, обманывал себя я уже сам.

Один только раз непробиваемая Сашина взрослость дала заметную трещину. И связано это было с книгой, которую вы ищете.

В середине того апреля (18-го, скорее всего), когда солнце уже заходило слишком поздно и у меня больше не было повода Сашу провожать, бабушка завела во время ужина очередной разговор о литературе. Бабушке на работе «Роксолану» Загребельного дали почитать (был такой исторический роман популярный украинский). Ей так понравилось, что она Веруню бедную засадила за этот роман («для общего развития»). Но у Веруни «Роксолана» пошла туго, и бабушка решила подстегнуть её Сашиним авторитетом. Хорошо помню, как она не спросила даже, а объявила тоном, не допускающим возражений: «Вот вы же, Саша, читали книгу Загребельного про жену турецкого султана. Прекрасная же книга». Не помню, какой Саша дала отзыв, но она, разумеется, читала и «Роксолану», и ещё какие-то эпопеи того же автора, и всё на свете, как мне тогда казалось. «У нас дома во Львове очень много книг», – сказала она однажды (без тени хвастовства, так же как я мог бы сказать: «У нас дома в Киеве горка под окном»), и мне постоянно грезилась эти многочисленные книги на высоких стеллажах, почему-то упирающихся в лепной потолок, в сказочном городе, про который я раньше ничего не знал (во Львове же не было ни моря, ни футбольной команды нормальной), а теперь знал самое главное: из него приехала Саша Лесюк, самый фантастический человек на планете Земля весной 1985 года.

Не помню, как мы перескочили с «Роксоланы» и Веруни на меня, но это, наверное, было неизбежно, это входило в бабушкины планы – она видела, что я потрясён Сашей ещё больше, чем моя сестра, и хотела при помощи Саши вытащить меня из-под отцовского влияния, выбить остатки идейного жлобства из моей головы. Наверное, речь опять зашла о моём бодании с украинской литературой, о том, что я в жизни не дочитал до конца ни одной украинской книжки, кроме «Тореадорів з Васюківки», и я, наверное, покраснел и запсиховал, когда бабушка это сказала, потому что Саша, я хорошо это помню, вдруг встала на мою сторону. Она рассказала одним из своих литых абзацев про то, как учительница украинского в её львовской школе любит приговаривать: «Не можна змушувати дитину читати» и часто разрешает ученикам обсуждать на уроках книги не по программе, и никто из школьного начальства эту учительницу не трогает, потому что их школа регулярно занимает призовые места на республиканских олимпиадах по литературе.

Кажется, бабушку эта история не впечатлила, она буркнула что-то насмешливое про новомодные либеральные веяния в некоторых школах. Саша, вместо того чтобы спорить, извинилась, встала из-за стола, сходила за своей жёлтой сумкой с застёжкой. Сказала что-то вроде: «Петя, я подумала, тебе эта книжка может понравиться». Достала из сумки «Фантастичні повісті львівських письменників», протянула мне: «На неделю или на две, как пойдёт». Пояснила, что это не её книжка, попросила беречь. То ли сразу попросила, то ли позже, когда уходила уже.

Мне кажется, так это было. Не знаю, так ли это было.

Читать я начал в тот же вечер. Помню, что после отбоя, когда мать и бабушка с Веруней спать легли, я переключался из комнаты на кухню и сидел, уткнувшись носом в «Повісті», пока отец с работы не вернулся в первом часу. Помню, я струхнул и заметался, когда услышал, как его ключ в замке ворочается. Захлопнул книгу, запихнул её в кухонный шкаф, чтобы отец не увидел меня с ней и не изгадил состояние невесомости, в котором я находился, своими комментариями в стиле: «Что, бабка посадила Шевченку наизусть учить?»

По размеру книга была совсем обычная. Обложка зелёная глянцевая с каким-то рисунком без людей. Название светлого цвета (светлее фона, во всяком случае). Страниц никак не меньше пятисот, повестей никак не меньше семи. Я по-украински довольно медленно читал, но думаю, что до конца недели одолел весь сборник. Помню, как сидел на уроках на следующей неделе и готовился обсуждать прочитанное с Сашей.

Вы в анкете просите привести названия повестей «хотя бы приблизительно». Одно название могу привести дословно: «Зона зниженої зоряності», по-русски «Зона пониженной звёздности». Это, подчеркну, совсем не факт, но я давно убедил себя, что повесть именно так называлась. Она была вторая или третья в сборнике. Там сюжет крутился вокруг этой фразы, вокруг аббревиатуры ЗЗЗ. Думаю, что эта повесть, про ЗЗЗ, вряд ли была тем самым «авторизованным переводом» с русского, её явно по-украински писали, потому что три «з» хорошо звучат, а ЗПЗ или даже ЗНЗ (если «зона низкой звёздности») – не особенно.

Остальные повести скатались у меня в памяти в радужный комок, не могу их отодрать друг от друга, не могу сказать, что было в одной, что в другой. Только ЗЗЗ помню отдельно. Она сильнее всего меня зацепила. Главный герой в ЗЗЗ был учёный, лингвист из будущего. Всё действие происходило в будущем, но не в очень далёком, примерно в наше нынешнее время. Там посёлок был советский на Луне, карманные видеотелефоны и, что самое интересное, интернет. Он даже вроде бы назывался «мережа», сеть. К нему можно было через карманный беспроводной телефон подключиться.

Сюжет ЗЗЗ я пересказывал много раз, обычно в нетрезвом виде, друзьям и случайным знакомым. В книге он был какой-то нелинейный, начинался с середины и резко вилял туда-обратно, сплетаясь с побочными историями, но у меня в памяти всё это давно полиняло и выровнялось. Получилось следующее.

Лингвист, главный герой, разрабатывает у себя в НИИ языковой синтезатор. Этот синтезатор генерирует в научных целях все сочетания звуков, которые человек способен произнести. Не помню, что там были за научные цели. Лингвист молодой, преданный делу, допоздна пропадает в лаборатории, слушает свой прибор, собирает данные. И вот однажды вечером отчётливо слышит среди потока бессмыслицы знакомое слово. Но не украинское слово, не русское, а на каком-то неизвестном языке, с очень редкими звуками в очень странной комбинации.

Лингвист приходит в волнение. У него когнитивный диссонанс. Он, с одной стороны, отдалённо даже не представляет, из какого языка это слово. С другой стороны, он прекрасно понимает, что оно значит! Он, более того, чувствует, что это жаргонное словечко, необщепотребительное, оно встречается только в речи экипажей космических кораблей, обслуживающих трансгалактические маршруты. И это при том, что никаких трансгалактических кораблей у Земли ещё нет. Дальше Марса и астероидов ещё не залетали пилотируемые экспедиции.

Лингвист пытается слово на украинский перевести, на английский, на французский, на китайский (он полиглот, само собой). У него долго не получается, все варианты слишком неточно и неестественно звучат, но в конце концов он находит удовлетворительную формулировку: «зона зниженої зоряності», 333.

Напоминаю, что это один из двух сюжетов, встречающихся сразу у трёх свидетелей, а именно у Цихненко, Негинной и Шуквани. Шуквани (см. письмо) отводит повести буквально два предложения: «...была почти детективная повесть об учёном, который неожиданно вспоминает язык пришельцев и пытается затем раскрыть тайну этого языка. Если память мне не изменяет, весь сюжет заключался в этих поисках». Пересказ Негинной отличается от версии Цихненко примерно в половине деталей (см. комментарии к тетради Негинной), но основная сюжетная канва, безусловно, та же. Пожалуй, самое интересное расхождение в заглавии. У Негинной, читавшей ПЛП по-русски, лингвистка (она там женщина) переводит загадочное слово как «редкозвездие», и так же называется повесть. Никакой аббревиатуры – ни ЗПЗ, ни ЗНЗ – у Негинной нет. Шуквани читала ПЛП по-грузински. Название повести «об учёном» она вспомнить не смогла. При этом у неё осталось «впечатление», что у автора (женщины) была «какая-то неславянская фамилия, которая в русском языке не склоняется».

Если Цихненко и Негина здесь не ошибаются, то перед нами три возможности. Либо оригинал всё же был русский, либо украинский, либо все три текста – и русский, и украинский, и грузинский – были переводом с литовского или латышского. См. «Предварительные выводы». Там дотошно разобраны все три варианта. На всякий случай и от нечего делать.

Лингвист произносит эти слова вслух, пробует их на вкус: «зона зниженої зоряності, зона зниженої зоряності...» С каждым повтором их значение всё больше проясняется у него в голове. Это уже не просто странное понятие, а целый мысленный образ, ситуация, в которой, как ему кажется, он когда-то бывал сам. Он как будто вспоминает, что 333 – это своего рода проплешина диаметром в десять-двадцать световых лет в районах галактики с относительно высокой плотностью звёзд. В такой проплешине звёзд почти нет, шанс наткнуться на них минимален, и поэтому работники космического транспорта их рутинно используют для дальних выходов из суперпозиции.

(«Суперпозиция», возможно, тоже факт. Сам бы я такое не придумал. Мне Саша в следующий четверг, к которому я так готовился, объяснила механизм трансгалактических полётов в 333. Ей нравилось, что автор 333 приплёл квантовую механику, а не заезженное «подпространство».)

От картин глубокого космоса, которые неизвестно откуда взялись у него в голове, лингвист приходит в страшное возбуждение. Он снова проигрывает загадочное слово в синтезаторе, осторожно пытается его произнести и обнаруживает, к своему ужасу и восторгу, что ему не стоит никаких усилий повторить эту дикую комбинацию редких звуков вслед за прибором. Слово как будто само слетает с языка, и вслед за ним из самых пыльных глубин памяти начинают выскакивать другие слова, а потом и целые предложения на том же языке, с такими же звуками.

В тот вечер, конечно, лингвист не уходит из института, он всю ночь торчит в лаборатории, не смыкая глаз, вспоминает неизвестный язык, который хлещет из него, как вода из пробойны, и сразу вводит всё, что вспоминает, в компьютер. Под утро он приходит к выводу, что это его родной язык, что он выучил его в раннем детстве, а потом напрочь забыл. Чтобы проверить эту догадку, он суёт голову в какой-то специальный сканер, который у него в будущем уже изобрели для изучения нейронной архитектуры языка. (Вы только имейте в виду, что «нейронную архитектуру» я в научно-популярном журнале совсем недавно подцепил, а раньше бы я сказал «Как язык в мозгу закодирован» или что-нибудь в этом духе.) Сканер просвечивает лингвисту

мозги и подтверждает, что да, неродных языков у него в голове много: украинский, русский, английский и т. д., – но родной только этот, загадочный, залегающий глубоко в коре и почти наглухо изолированный от центра речи хитроумной нейронной блокировкой.

А лингвист уже попросил мережу, которая интернет, прочесать все лингвистические базы данных и проверить, есть ли на Земле такой язык. Мережа не нашла ничего похожего. Теперь лингвисту в голову, вытащенную из сканера, приходит другой запрос, на этот раз личного характера. У него родилось жуткое подозрение, которое надо немедленно проверить. За окном заря уже занимается, а лингвист выхватывает свой карманный телефон и говорит мереже дрожащим голосом:

– Покажи мне мои детские фотографии!

До десяти лет, допустим.

Мережа послушно начинает проецировать в воздух перед лингвистом трёхмерные снимки из его детства. Вот он у мамы на коленках, вот папа его маленького ведёт за руку на прогулке, вот он с совочком на пляже в Ялте или Феодосии, вот в первом классе за партой, вот на школьном субботнике с граблями среди листьев. Всё вроде в порядке, все эти фотки он тысячу раз уже видел. Но теперь ему что-то не даёт покоя, глаз то и дело цепляется за мелкие странности. То на пляже волосы у него слишком ровно уложены. То во дворе рубашка на нём чересчур свежая, немятая, как будто прямо из-под утюга. То выражение у него на лице неестественное какое-то, недетское.

Чем дальше разглядывает лингвист свои фотографии, тем сильнее у него холодеет внутри. Он отдаёт новый приказ мереже:

– Проверь все мои детские снимки на подлинность!

Или на следы подделки, как-то так.

Мережа проводит молниеносный анализ его детских фотографий. Страшные подозрения лингвиста подтверждаются. Все снимки, где он младше десяти, – фальсификация. Судя по всему, объясняет мережа, на них изначально был другой ребёнок, но много лет назад кто-то заменил его маленьким лингвистом, а все оригиналы бесследно стёр из базы данных.

И это ещё не самое страшное. Мережа сообщает, что подмена выполнена профессионально и, скорее всего, не оставила бы никаких следов, если бы вставленное изображение было подлинным, то есть если бы ребёнка просто вырезали из одного снимка и вклеили в другой. Но маленького лингвиста ниоткуда не вырезали. Все изображения, где ему меньше десяти, – компьютерная графика. Их смоделировали, то есть попросту нарисовали на основе более поздних снимков. Экстраполировали в прошлое, можно сказать.

У лингвиста подкашиваются ноги. Он садится на пол, мотает головой в немом отчаянии. Если его не было на тех снимках, то кто там был вместо него? Где в это время находился он сам? И откуда у него в голове воспоминания, которые так хорошо, без малейшего зазора, сходятся с поддельными фотографиями?

Он же помнит и тот школьный субботник, и тот урок в первом классе, и ту прогулку с папой. Помнит, как мокрый песок лопаточкой копал у линии прибоя в Феодосии. Он перебирает в памяти эти эпизоды, такие яркие, живые эпизоды, и вдруг понимает, насколько это всё неправдоподобно. На каждую фотографию, сделанную до десяти лет, у него в памяти услужливо выскакивает сочный мысленный образ. Но ведь так же не бывает у нормальных людей! Он запрашивает у мережи снимки, где ему одиннадцать, двенадцать, тринадцать, потом где он студент уже, взрослый. Как он и опасался, с этими фотографиями всё иначе. Иногда он более-менее помнит день съёмки, иногда не помнит совсем, но даже когда помнит, ничего похожего на сочные картинки, привязанные к более ранним снимкам, в его голове не высвечивается.

Лингвист снова бросается к нейросканеру. Долго колдует с настройками, чтобы переключить программу с поиска нейронных словарей на эпизодическую память. Через час, когда

начинается рабочий день и в лабораторию приходят коллеги, он сидит возле сканера, оцепеневший, смотрит на них безумным взглядом и повторяет:

– Мне подделали память... Мне подделали память...

Я сейчас пересказал примерно одну десятую часть 333, самое начало приключений лингвиста. Дальше (или кроме того – хронология в повести, как я уже сказал, была нелинейная) он мчался к родителям, пытался вытрясти из них тайну своего происхождения. Во второй половине он выходил на след трансгалактических космонавтов, жаргон которых нашёл у себя в мозге. Финал был недосказанный, дразнящий, но не в том смысле, что позарез хотелось знать, что будет дальше, а чуть ли не наоборот. Тебя вместе с лингвистом как будто подводили за руку к двери, и дверь приоткрывалась на сантиметр, и ты уже видел сквозь эту щёлочку, что за дверью тебя поджидает открытие, которое поставит с ног на голову историю всей нашей цивилизации, но открытие это было настолько жуткое и в то же время правдоподобное, что ты выдыхал облегчённо, когда замечал, что это последняя страница, последнее предложение и дверь, слава богу, навсегда захлопнули обратно прямо у тебя перед носом.

Ср. финал «Редкозвездия» в тетради Негиной. У неё, похоже, дверь всё-таки открывалась.

Вы догадываетесь, наверное, почему 333 взяла меня за живое. Эта повесть была про меня. То, что мама зимой рассказала о родителях отца, и неизбежные скандалы, которые прогремели вслед за этим у нас дома, и, самое главное, занятия с Сашей, разговоры с ней – во мне же от этого всего тоже образовалась пробоина, из которой вылез другой я. Это был более ранний я, существовавший как раз лет до девяти-десяти, до бокса и кружка юных гопников на массиве. Оказалось, что он не исчез, он все эти годы параллельно жил своей подпольной жизнью, а теперь вышел из подполья и погнал жлоба в шею.

У меня голова кружилась и сердце колотилось чаще, когда я 333 читал. 333 (хорошие книжки часто так делают) рассказывала мою историю в антураже, который не имел с моей жизнью ничего общего, но именно поэтому она говорила самую важную правду о том, что со мной случилось. В мире 333, когда прежняя, забытая личность главного героя выходила из многолетней спячки, это было фантастикой и событием галактического масштаба, это меняло судьбу человечества. То, что творилось со мной в начале 1985-го, казалось мне такой же фантастикой. И последствия в моей голове казались такими же грандиозными.

Не помню, как прошло наше с Сашей занятие в следующий четверг. После ужина я, видимо, всем наврал, что мне зачем-то нужно тем вечером в центр. Во всяком случае, помню, что провожал Сашу, хотя на улице было совсем светло, разве что пасмурно. Помню, как разговаривал с ней на улице, в метро, в троллейбусе и как она в первый и последний раз не просто слушала мой трёп и вежливо реагировала, но и сама тараторила, перебивала нетерпеливо, иногда как будто захлёбываясь словами и начиная оборванное предложение сначала. Совершенно на неё это было не похоже. Мы так заговорились, что минут двадцать стояли у входа в её общежитие, прижимаясь к стене (дождь накрапывал), пока мимо не прошла её одноклассница и не убила наш разговор своей понимающей улыбочкой и каким-то ироническим замечанием.

Мы говорили только о «Повістях львівських письменників» в тот вечер, больше ни о чём. Сколько бы я сейчас отдал, чтобы подслушать наш разговор, чтобы молча постоять рядом с теми подростками на задней площадке троллейбуса...

Одно время, уже в девяностые, у меня по этому поводу были навязчивые фантазии. Я мечтал, что архивы КГБ откроют и вдруг окажется, что все разговоры в общественном транспорте города Киева записывались на всякий случай и хранились в каком-нибудь гигантском подземном бункере. И там, среди тысяч километров магнитофонной плёнки, можно будет найти бобину с нашим разговором на полке «Четверг, 25 апреля 1985 г.». Я знал, что это

абсурд, мне было невыносимо стыдно, но эта нелепая фантазия так меня заводила, что я годами к ней возвращался. Представлял в подробностях, как приеду в этот архив сказочный, как сяду в специальную комнату для прослушивания оперативных материалов, надену огромные наушники...

Что я помню из того разговора:

Саша сказала, что книгу ей дал почитать учитель математики. Кажется, её киевский учитель, из её школы.

«А ты обратил внимание...» Саша несколько раз начинала с этой фразы. Я помню даже, как её лицо при этом выглядело. Наверное, потому что страшно хотелось дотронуться до него. Гладить, целовать... А вот на что я должен был обратить внимание – нет, не помню...

Саша собиралась познакомиться с одним из авторов. Думала письмо ему написать через издательство и напроситься в гости на каникулах, если он будет во Львове. Фамилию автора не помню. Есть смутное ощущение, что это была женщина. Логично было бы предположить, что она написала Сашину любимую повесть в сборнике. Но Саша уверяла, что не может решить, какая повесть ей больше всего нравится. Наверное, в повести этой писательницы просто было что-то такое, что Сашу заинтересовало с научной точки зрения.

Про 333 мы много говорили. Квантовые полёты по галактике, как я уже сказал, Саша мне объяснила. Ещё ей нравилось описание языкового синтезатора – принцип его работы и научные цели, которые я забыл. У них была какая-то математическая основа. Финал повести мы тоже обсуждали, у Саши было много разных идей на этот счёт, развивающих намёки, разбросанные по тексту. Одна идея заключалась в том, что у каждого человека сознание пересекается с сознанием разумного существа из какой-нибудь смежной вселенной (в 333, думаю, было именно такое выражение: «суміжний всесвіт»). Нужно лишь правильно подобрать катализатор (обрывок языка, к примеру) – и плотину прорвёт. Не помню только, каким образом Саша это увязывала с тем, что у лингвиста сфабрикованное детство.

Очень похожая идея есть у Негиной в пересказе «Редкозвездия». Там её рассматривают в порядке гипотезы, но затем отбрасывают. Считаю вероятным, что и Цихненко помнит эту деталь непосредственно из текста.

Была ещё «тёмная сила», или «сила всемирного отталкивания» (видимо, «сила всесвітнього відштовхування», но я не помню точного украинского выражения из книги, помню русское из нашего разговора). В одной повести звёздное небо, которое видно с Земли, оказывалось симуляцией, как детство у лингвиста в 333 (но это не в 333 было). Не помню, но предполагаю, что именно в той повести было много астрономии, и значит, в ней как раз и фигурировала тёмная сила, поразившая Сашу. «Очень красивая идея!» Она имела в виду идею, что миллиарды лет назад сверхцивилизация включила по всему космосу загадочную отталкивающую силу, которая в разы сильнее притяжения всех видимых галактик. С тех пор вселенная расширяется всё быстрее, и расширение никогда не остановится, космос больше не сожмётся обратно в точку.

Сюжет с фальшивой (вернее, анахроничной) проекцией космоса, окутывающей Солнечную систему, есть у Негиной. «Тёмная сила», т. е. тёмная энергия – одно из предсказаний, встречающихся сразу у двух свидетелей. Процитирую для пуццей наглядности, что пишет о тёмной энергии Негина в тетради:

«Если бы земные астрономы видели настоящее небо, люди никогда бы не узнали историю Вселенной. Мы бы не знали, что есть другие галактики, что раньше они были ближе к нам. Мы бы не смогли вычислить, что когда-то вся Вселенная была меньше одного атома, что

однажды она стала раздуваться, наполняться материей. Мы бы не знали, что через семь миллиардов лет после рождения Вселенной, когда расширение стало выдыхаться, в дело как по команде вступила “тёмная сила”, антипод гравитации, и расширение снова ускорилось, чтобы никогда больше не замедляться».

Напоминаю, что теоретические модели, предусматривающие внезапное ускорение расширения Вселенной через 7–8 млрд лет после Большого взрыва под действием «отталкивающей» силы, на которую приходится до семидесяти процентов всей энергии Вселенной, возникли не раньше девяностых. Анализ спектра сверхновых звёзд, после которого тёмную энергию начали воспринимать всерьёз, опубликован в 1998 году. Тогда же в научной литературе впервые появился и сам термин dark energy.

После того разговора я видел Сашу только один раз, 14 или 15 мая. Следующий четверг был второе мая, она уехала на праздники домой во Львов, потом было девятое мая, я в показательных соревнованиях участвовал в честь Дня Победы. 16-го она должна была к нам приехать на последнее или предпоследнее занятие в учебном году. Но не приехала. Потому что я потерял книгу. Я потерял «Фантастичні повісті львівських письменників».

Потерял тупо. Никакой драмы, просто в метро забыл, когда с этих долбанных соревнований возвращался девятого. Меня поколотил неслабо пацан из 183-й школы, про которого я даже не слышал раньше, и я в невменяемом состоянии домой ехал. На массиве было две школы – наша и 183-я, мы всех оттуда дебилами считали. Поражение жгло невыносимо. Ещё страшней было чувствовать, как моя боксёрская прыть из меня выходит, словно воздух из проколотой шины (я же тренировки начал пропускать, а когда не пропускал, не мог сосредоточиться всё равно, тренер на меня орал постоянно той весной). Но при этом было какое-то радостное остервенение. Я сидел в углу вагона, улыбался расквашенной губой, упивался мыслью о том, что ещё пару раз мне вот так морду начистят, и я брошу бокс с чистой совестью, а если отец хайло разинет, пошлю его на хутор бабочек ловить.

Очнулся от грёз на своей станции, уже когда начали «Осторожно, двери закрываются» говорить. Вскочил с сиденья, вылетел из вагона в последнюю секунду, а пакет с книгой и боксёрскими шмотками остался в поезде. Только на улице я спохватился, кинулся обратно в вестибюль. Помню, как умолял женщин в метрошной форме позвонить машинисту, и на конечную, и вообще всем сразу, чтобы мой драгоценный пакет спасли. С ходу наврал, что там у меня спортивный кубок, который я завоевал в нелёгком поединке. Женщины пожалели меня, позвонили куда-то. Но ничего уже было не поделать, кто-то уже «ушёл» мой пакет из вагона.

Зачем я потащил «Повісті» на соревнования? Самый мучительный вопрос моей биографии... Хотя ответ я знаю, конечно. Я везде их с собой таскал. В газету специально завернул и в полиэтиленовую тетрадную обложку, прихваченную скрепками. Читал по второму кругу, по третьему...

В те выходные я позвонил в Сашино общежитие, попросил передать ей сообщение, что нам нужно встретиться до занятия. Я словно чувствовал, что нельзя ей рассказывать о пропаже книги у нас дома, где она в гостях, где её стесняют приличия. Она перезвонила нам домой, мы договорились, что встретимся на выходе из метро на Карла Маркса. По телефону голос у неё был удивлённый, но приветливый. Я тогда впервые понял по-настоящему, почему говорят «сердце разрывается». Саша совсем не догадывалась, что случилось. Я чуть не заорал, когда трубку положил.

У меня имелся план, естественно. До самой последней минуты я собирался дойти с Сашей до сквера, непринуждённо беседуя, и там ей соврать, что у меня сумку украли из раздевалки. Хотел спихнуть с себя хотя бы маленькую часть вины. Но когда увидел Сашу и рот открыл, как-то сама собой вырвалась чистая правда во всех подробностях.

Пока я говорил, смотрел Саше в ноги. У неё на ногах были советские кеды с красными шнурками и джинсы подвёрнутые. Она была в светлой футболке (день был очень тёплый). Может быть, в жёлтой футболке, под цвет сумки с тяжелыми застёжками. Причёска была её всегдашняя – сзади чуть ниже шеи, спереди густая чёлка, по бокам приплюснута. Тогда многие девчонки так ходили.

Саша переспросила, когда я замолчал:

– Ты потерял книгу?

Как будто из всего, что я рассказал, она услышала только первое предложение. Я подтвердил, что потерял книгу. Еле ворочая наждачным языком, начал повторять ключевые детали. Соревнования, поражение, метро, сумка... Потом заткнулся. Саша что-то сказала тихо. Я не расслышал с первого раза.

– Что?

Она повторила:

– Я тебя ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

Я, вероятно, всё-таки заставил себя поднять глаза, посмотреть ей в лицо, потому что помню, как у неё губы дрожали. Но она не плакала. И не смотрела на меня. И не сказала больше ни слова. Просто пошла вверх по Карла Маркса и свернула налево, в сторону Институтской. Почему-то наверх в сторону Институтской она пошла, а не вниз на Крещатик, где остановка. Мне долго не давало покоя это обстоятельство. Совершенно случайное, конечно... Хотела уйти прочь от меня поскорее, не важно куда, вот и пошла. Но я ломал голову, искал тайный смысл...

Саша звонила потом моей матери. Сказала, что, к сожалению, больше не сможет давать мне уроки. Сослалась на свою учёбу, про книгу ничего не сказала. Мать ей, конечно, не поверила. Они с бабушкой были свято убеждены, что Саша бросила со мной заниматься, потому что я к ней приставать начал. «Полез небось лапать, кобелёныш!» Мать, наверное, до сих пор так думает.

Бокс я окончательно бросил только через год, уже в девятом классе. Но обратите внимание, что я вообще пошёл в девятый класс! Последнюю четверть восьмого закончил с кучей четвёрок, в том числе по физике. Даже тройки получились солидные, без натяжек. У Маргариты Сергеевны, нашей классной, не было никаких претензий.

А по литературе украинской знаете, как я получил тройку за восьмой класс? Я пересказал все «Повісті» в письменном виде. Просто вот всё, что помнил, взял и записал по-украински. На половину общей тетради хватило. Сначала я не для школы писал, я начал писать, чтобы с ума не сойти в тот вечер, после встречи с Сашей. Вернулся из центра, украл тетрадку у Веруни, вооружился словарём и сел строчить, воображая, что Саша ещё придёт и я ей покажу, докажу, что «Повісті» потрясли меня не меньше, чем её. Я надеялся, что она увидит, как я пытаюсь сберечь потерянную книгу, да ещё и на языке оригинала, на её родном языке, и она простит меня. А потом мы снова встретимся у метро на Карла-Марла, и дойдём-таки до скверика, и будем смеяться над всей этой историей, и Саша повторит свои три «ненавижу», только теперь в шутку, подтрунивая надо мной...

На исходе мая я сумел наконец поверить, что она больше не придёт. Я отнёс тетрадь в школу и сдался на милость нашей учительницы украинской лит-ры. «Юлия Михайловна, я книгу по-украински прочитал! Несколько раз! Это лучшая книга в истории книг! Я написал художественный пересказ, употребляя глагол “уподібнювати”!» А наша украинка добрая была, сжалилась над придурком. Полистала тетрадь, похвалила меня и поставила «тверду трійку».

Тетрадь, кстати, она оставила себе, якобы «для отчётности». Может, имеет смысл поискать эту тетрадь? Саму книгу вы всё равно не найдёте. Вы уж поверьте мне. Я пробовал. Я столько лет пробовал...

Улица Институтская до 1993 года называлась улицей Октябрьской революции. Но это мелочь. Я простоты ради тоже говорю иногда, что в детстве жил на Кировной, хотя в моём детстве она была Салтыкова-Щедрина.

Гораздо более серьёзная проблема в другом. Вы, как говорится, будете смеяться, но едва ли не единственный львовский писатель-фантаст, у которого выходили официальные советские публикации на русском или украинском, – Станислав Лем. Фантаст Владимир Кузьменко, написавший трилогию «Древо жизни», тоже жил во Львове, но его первая публикация датирована 1991 годом. Возможно, есть какие-нибудь журнальные публикации забытых авторов. До них я ещё не добрался.

Для порядка отмечу, что ни единого следа книги под названием «Фантастичні повісті львівських письменників» найти не удалось. Сюрприз, сюрприз.

Что касается учительницы свидетеля Цихненко. Вероятность того, что она сохранила тетрадь с пересказом Цихненко, невелика, но, по-моему, есть. Дадите отмашку – отправлюсь в Киев первым же постковидным рейсом. Цихненко учился в 204-й школе. Учительницу украинской литературы звали Юлия Михайловна. Даже если тетрадь не сохранилась, поговорить с Юлией Михайловной и с другими учителями Цихненко было бы весьма любопытно. Лишь бы они живы были.

Свидетель № 5

Карминова Лара Михайловна

Сланцы, 1982–1985

Год и место рождения: 1936, Ленинград.

В 1937–1959 гг. проживала во Фрунзе, Киргизская ССР.

В 1959–2008 гг. проживала в Ленинграде/Санкт-Петербурге.

С 2008 г. живёт в Вильнюсе. (Приписано ручкой: Умерла в Вильнюсе 21.04.2020. Насколько я понял, не от ковида.)

Профессия: инженер-радиотехник, поэтесса, переводчица художественной литературы с украинского и литовского языков (литовский – второй родной, от матери).

Дата наводки: 30 октября 2019.

Воспоминания получены 8 ноября 2019.

Книгу, которую вы ищете, я видела в начале восьмидесятых. Точный год назвать не сумею. Могу, как это делают историки, обозначить «не ранее» и «не позднее». Было это не ранее восемьдесят второго, потому что в восемьдесят втором у меня вышел третий сборник стихов, из которого я как раз и читала на встрече в Сланцах. И было это не позднее аварии на Чернобыльской АЭС. Вы сейчас поймёте почему.

Сборник Карминовой «На берегу весеннего дождя» вышел в феврале 1982 года.

Надо при этом учесть, что от встречи до Чернобыля наверняка прошло не менее полу-года, потому что она успела отодвинуться куда-то на периферию памяти. Отчётливо помню: когда поползли слухи об атомной катастрофе, один кошмарней другого, я долго не могла сообщить, где же мне уже попадались все эти слова, такие жуткие и такие чарующие одновременно. «Ликвидаторы», «четвёртый энергоблок», «эвакуация Припяти». Да-да, именно Припяти! За название города готова поручиться. Моя родня со стороны отца жила в Иванкове, это менее ста километров от Припяти. Двоюродная племянница даже одно время в детском саду там работала. Немудрено, что мне врезалось в память название той повести: «Припять, планета Земля».

Итак, делаю вывод, что книгу я листала где-то между весной восемьдесят второго и осенью восемьдесят пятого. Назвать более точную дату, к моему великому сожалению, не могу. Даром что целых четыре генеральных секретаря уместились в этот интервал. Наверное, другие, сознательные товарищи на моём месте легко бы вспомнили, какой из неустанных борцов за мир у нас тогда красовался на портретах. А я бросила году в семьдесят пятом и новости смотреть, и газеты читать, и даже думать о них обо всех. Так и жила как бы вне истории, пока Сахарова не вернули из ссылки. Помню, именно возвращение Сахарова меня растормошило. Подумала: батюшки-светы! И вправду тронулся куда-то лёд.

Последняя зацепка, которую могу добавить по времени, – буйно разросшиеся лопухи у библиотеки. Запомнились мне эти пышные лопухи, припорошенные дорожной пылью. Значит, зима и ранняя весна исключены. Да и поздняя осень, пожалуй, тоже.

Чтобы не засорять Ларе Михайловне память, я не упоминал никакого Сашу Лунина, пока не получил её мемуары в надёжном писчебумажном виде. Только про Болонью спросил, но это как обычно.

Саша, напомним, читал тетради Павлика в первой половине 1985 года. Учитывая, что Павлик переписывал книгу «сколько-то месяцев» (см. ниже) и утонул летом 1985-го, а утонув, едва ли мог лично вернуть книгу в библиотеку, получается, что сборник появился в Сланцах не позднее самого начала того же года.

На момент гибели Павлику было пятнадцать. Если брать нижнюю границу, предложенную Карминовой (весна 1982-го), то Павлик впечатлился «Повестями» в возрасте одиннадцати лет. С одной стороны, вроде маловато для глубоких литературных переживаний. С другой стороны, Саше в 85-м было столько же, а я сузю по себе. Пусть те товарищи, которые в двенадцать лет громко хвастались на ул. Салтыкова-Щедрина в г. Ленинграде, что прочитали всю мамину библиотеку, предложат альтернативную оценку!

Приглашение в Сланцы мне оформила Лидия, директор библиотеки. По отчеству – что-то на «эн»: то ли Никитична, то ли Никифоровна. Фамилию я позабыла. Вероятно, можно в Сланцах навести справки.

Поехала я, кажется, охотно. Как поэт я никогда особым вниманием избалована не была – не Ахмадулина, поди. Я ведь и не писала стихов лет до тридцати. Училась на радиотехническом в ЛЭТИ, три года отработала по специальности. И так вышло (совершенно случайно, через одну знакомую моей первой свекрови), что занялась художественным переводом с литовского.

Литовский мне достался от матери – сугубо разговорный, бытовой, но всё же близкий к литературному. Мама была из образованной каунасской семьи. Мой дедушка, мамин отец, был убеждённый коммунист и занял сторону большевиков во время советско-литовской войны девятнадцатого года. Когда большевистское наступление провалилось, он вместе с семьёй бежал в Петроград. Долго работал в партийном аппарате. В тридцать шестом (я только-только родилась) дедушку арестовали. Уже после войны до нас дошли слухи, что он умер в пересыльном лагере. А отца моего, украинского большевика, расстреляли в тридцать седьмом. Нас с мамой и братом Борей тогда же выслали в Киргизию.

Интересно, что Боря (он был на шесть лет меня старше) вырос без литовского. А со мной мама в ссылке заговорила на родном языке. Думаю, это была своего рода защита от действительности, отчаянная слабенькая попытка хоть что-нибудь контролировать в своей судьбе, хоть куда-то скрыться. Бегство в пространстве было исключено, а вот в родную речь всегда можно было ненадолго сбежать. Мы с мамой так и проговорили по-литовски до самой её смерти. Только при посторонних обычно переходили на русский.

Первые литературные переводы с языка, на котором я едва умела читать, дались мне нелегко. Я рыскала по словарям; семь потов с меня сходило на каждой странице. Но довольно скоро наловчилась, втянулась. Поездила в Литву, чтобы язык оживить. Много средней и крупной прозы перевела: Симонайтите, Жилинскайте среди прочих, если имена эти вам что-нибудь говорят.

А поскольку в Литве тогда очень сильная поэзия была, я много подстрочников делала с литовского для разных ленинградских поэтов. В один прекрасный день попробовала зарифмовать всё сама – и вроде бы получилось и даже самой понравилось. Перевела две книжки поэзии и как-то по инерции стала рифмовать своё, без литовских оригиналов. Вот так нарифмовала я сначала на один сборник, потом на другой. И приняли меня в секцию поэзии ленинградского отделения Союза писателей.

Стихи у меня были не ахти какие оригинальные, что уж греха таить. Гладенькие, простенькие. Зато, как говорят, «от души». Писала о любви, о женской доле, о семейных буднях, о повседневной подлости и благородстве. Оплакивала ускользающее время. В аннотации к тре-

тому сборнику так меня и припечатали: «Поэзии Карминовой присущи узнаваемость образов и ярко выраженный исповедальный характер».

И, главное, никакой идеологии у меня в стихах, конечно же, не было, если не считать аполитичного гуманизма. Так что находились охотники, а вернее сказать, охотницы и до моей поэзии. Преобладали среди них женщины от тридцати и до пенсии: инженерши, бухгалтерши, учительницы, библиотекариши – в общем, все мои социально близкие и родные. Если принять во внимание, что поэзию никто, кроме этого контингента, особенно и не читает, то стихи мои, выходит, были именно такие, какие надо.

К сожалению, творческие командировки для общения с низовой советской интеллигенцией женского пола мне в Союзе писателей выписывали нечасто. Точнее, не выписывали совсем. Подразумевалось, что такого добра и в Ленинграде хватает. Конечно, кто был повыше рангом да попартийней, тот мог оформить поездку куда угодно – с произвольной целью. Надо ему «собирать материал» о подвигах рыбаков где-нибудь в Коктебеле в разгар пляжного сезона – пожалуйста. Идите в бухгалтерию, оформляйтесь. И суточные им капали такие, что за месяц набегало пять зарплат моих смиренных библиотекарей. А то и больше.

Впрочем, я не жалуюсь. По переводческой линии сама иной раз каталась в Литву. Вернувшись, сочиняла и сдавала отчёты-отписки. «Мною освоен широкий пласт современной бытовой лексики...» «Мною обсуждались стилистические трудности при переводе лирики Межелайтиса...» На самом деле, конечно же, никакой лирики я там не обсуждала. Пировала у местных поэтов да бегала по магазинам. У литовцев же всегда лучше было со снабжением.

И всё-таки чаще случалось ездить не по прихоти, а по разнарядке, в составе писательского десанта в какой-нибудь совхоз «Первомайский». Приедешь, бывало, а там, естественно, никто про тебя слухом не слыхивал. Бабоньки местные рассядутся, наклонят головы, послушают, поохают, похлопают: ой, товарищ поэт, до чего ж вы складно пишете, жалостливо. Была, конечно, и в этом своя прелесть. Однако настоящую, честную радость приносили только редкие поездки к *моим* читательницам. К тем, кто листал уже мои невзрачные ленинградские книжицы за двадцать семь копеек. Мои читательницы приходили на встречу, как на собрание тайного общества, на сходку подпольного профсоюза женщин, передумавших слишком много мыслей. Мои читательницы с ходу говорили со мной, как со старой подругой, которую сто лет не видели. Это было совсем другое. Это, повторюсь, было настоящее.

Лидия Никитична-Никифоровна, Лида, пригласившая меня в Сланцы, была из таких женщин. Хорошо помню, как она встретила меня на вокзале ни свет ни заря. Я могла на утреннем автобусе поехать; так и удобней бы вышло, и быстрее. Но почему-то отправилась поездом, а поезд уходил с Варшавского за полночь и полз как черепаха – шесть часов. Вагон, помню, был общий. Духота стояла страшная, курил кто-то.

Запомнилась мне и Лидина внешность. Волосы густого медного цвета, сплетённые в тяжёлую косу. (Лида укладывала её на грудь, когда садилась.) Ей было под пятьдесят, и я, конечно, подумала, что она прячет сдину под этой ненатуральной медной краской. А она, видно, привыкла к таким подозрениям. Подловила мой взгляд, сказала с улыбкой: «Думаете, крашу? Нет, сами такие».

И ещё. Лида волочила ногу. Кажется, правую, но не ручаюсь. Не очень сильно волочила, да и на вид нога была как будто в норме, не усохшая, только немного завёрнутая внутрь. Не знаю, врождённый то был дефект или последствия травмы. Сама Лида о своей ноге не заговорила, а я, как вы понимаете, расспрашивать не стала. В помещении она ходила без палочки, но, когда шла на улицу, брала такую классическую клюку с загнутой ручкой. Ходила при этом не то чтобы быстро, но твёрдо, уверенно.

Как прошла моя поэтическая встреча, помню очень смутно. Пожалуй, что и совсем не помню. Послевкусие осталось хорошее, вот и всё. Народу, наверное, пришло не больше и не меньше обычного, а значит, человек десять. Точно могу сказать, что библиотека Лидина была

далеко от вокзала, в каком-то тихом загородном райончике, куда нужно было на автобусе добираться.

И что заночевала я тогда у Лиды – в этом совершенно не сомневаюсь. Я ведь поначалу думала в тот же день вернуться в Ленинград, вечерним автобусом. Но после бессонной ночи в прокуренном вагоне меня к вечеру так сморило, что Лида просто не пустила меня на вокзал. «Куда ж вы, – говорит, – Лара Михайловна, на ночь глядя в таком состоянии. Сейчас я вас накормлю, напою чаем с пирогами, а завтра выспитесь – и в дорогу». Взяла под руку, да так и повела. В одной руке клюка, в другой я.

Лида жила в однокомнатной квартирке на другом конце города, на четвёртом или пятом этаже. До её дома нас подвезли на «жуке». Мне это запомнилось, потому что водителем была женщина, Лидина знакомая, которая, несмотря на свой суровый вид, несмотря на папиросу, будто прилипшую к губе, очень трогательно стеснялась «писательницы из Ленинграда», то есть меня. Эта водительница, кажется, поднялась с нами на чай, но посидела совсем недолго. А пироги, кстати, были объеденье – черничные. Вот не помню только, свежая была черника или засахаренная, из банки.

Вы уж простите мне такую прорву подробностей. Мне кажется, что это важно. Я имею в виду, важны не подробности сами по себе, а то обстоятельство, что я помню столько подробностей. По крайней мере, думаю, что помню. Связано это не с чем иным, как с книгой, которая вас интересует. Её страницы как будто светятся у меня в памяти, и свечение это выхватывает из темноты соседние фрагменты прошлого. Допускаю, конечно, что это иллюзия, возникшая задним числом, уже после Чернобыля. Но в таком случае иллюзия очень стойкая.

Тем более странно, что обложки я не помню. В какой-то момент (мы ещё сидели на кухне) Лида принесла книгу из комнаты и спросила, не переводила ли я кого-нибудь из её авторов. Она знала, что я перевожу с литовского, читала мои переводы, а следовательно, авторы точно были литовцы и книга наверняка называлась «Фантастические повести литовских писателей», или «Фантастические произведения литовских писателей», или просто – «Фантастика литовских писателей», хотя мне всё-таки кажется, что из четырёх слов состояло название. Помню формат: стандартный средний. Помню, что томик был увесистый, не менее пятисот страниц. Помню даже, как разглядывала выходные данные: «Лениздат», тысяча девятьсот семьдесят какой-то, и что-то о человечестве в аннотации, какие-то «перекрёстки научных и нравственных проблем». А вот как выглядела обложка, какого хотя бы цвета она была, какой фактуры – шероховатая ли, глянцевая, – это выветрилось бесследно.

Сколько было произведений в сборнике, с точностью сказать не могу. Перед глазами дрожит оглавление, но слова давно расплылись; остались только смазанные линии разной длины. Этих линий никак не меньше семи и едва ли больше двенадцати. Не вижу, но помню, что имена каких-то авторов повторялись. В общей сложности было там человек пять, из них по крайней мере одна женщина, с фамилией на «-айте»; именно она написала повесть о Припяти. Уверена, что никого из авторов я не переводила. Больше скажу: я и не слышала о них до того вечера.

Впрочем, не думаю, что меня сильно удивили незнакомые писатели. Решила, скорее всего, что молодая поросль в сборнике представлена. Молодые любят фантастику сочинять; на реализм у них ещё жизненного опыта не хватает. Другое дело – незнакомые переводчики. Фамилии переводчиков, как заведено, значились курсивом у каждой повести. В нашем тесном мирке литовских толмачей все друг друга знали наперечёт, каждое новое имя вызывало любопытство, а в том оглавлении было сразу несколько абсолютно неизвестных мне фамилий.

Одного Витю Блажиса я узнала. Да и узнала ли? Витя был наш, ленинградский, и в восемьдесят шестом, после Чернобыля, я к нему первому и бросилась: «Витя, дорогой, помнишь тот крамольный сборник литовской фантастики, где всё это было предсказано? Ты повесть для него ещё переводил – что-то о космосе, с длинным таким вычурным названием? У тебя не запылится дома авторский экземпляр?»

А он мне, представьте: «Лара, ты о чём? Сроду не переводил никакой фантастики. Тем более о космосе». Я говорю: «Витя, ну как же. Я же собственными глазами видела. “Вэ Блажис”! Какой ещё “Вэ Блажис” будет переводить с литовского в ленинградском сборнике?» Но Витя так и не признался. «Вот в “Ленинград”, – говорит, – и спрашивай». Мало ли, мол, на свете «Вэ Блажисов». Одних Витаутасов Блажисов наверняка целая рота.

Но я забегаю вперёд. Вернусь на Лидину кухню в Сланцах.

Лида не удивилась, когда я призналась, что не знаю ни книги, ни авторов. Сборник, рассказала она, отозвали буквально через неделю после того, как он поступил в библиотеку. Хотели, вернее, отозвать. Позвонили из «Ленинграда». Во всяком случае, заявили, что из «Ленинграда». Сказали, что часть тиража якобы с браком, что экземпляр, попавший в Сланцы, с ужасным полиграфическим изъяном. Дали указание сборник вернуть и в фонд пока не вносить, а если внесли уже – вычеркнуть до прихода нового экземпляра.

А в то время все же всё правильно понимали. Не надо никому было разжёвывать. Лида как трубку положила, так и бросилась эту книгу разыскивать. Новых поступлений, по её словам, тогда много пришло, всего разобрать ещё не успели, а уж тем более прочитать. Да и к фантастике Лида обычно была равнодушна. Но раз такое дело, раз из «Ленинграда» звонят, обратно требуют – кто ж тут устоит?

И вдруг выясняется, что книга уже на руках. Лидина коллега её оформила и выдала местному любителю фантастического жанра. У них в библиотеке несколько таких было припрето под крылом.

Фантастику же читали взахлёб, любую, будь она хоть литовская, хоть монгольская. А книги, которые читали, в магазинах просто так не продавались. У меня сын бредил тогда космосом, пришельцами, так что для меня дефицит фантастики был не менее насущной проблемой, чем дефицит колбасы. Наохотилась я за Абрамовыми, за Снеговым, за Ефремовым, за какими-то переводными антологиями. Любые новые издания фантастики пропадали мгновенно. По благу расходились, по подписке. Что-то, конечно, доходило и до библиотек. Там уже действовал скромный благу, так сказать, второго уровня: кто в фаворе у библиотекаря, тот первый знает, что пришли новые Стругацкие. У Лиды в библиотеке поклонники жанра так и стояли гуськом в одной негласной очереди. Только между собой местами менялись: в этот раз Иван Петрович первый читает, в другой раз Пётр Иванович и так далее.

И вот кто-то из этой клиентуры перехватил уже повести литовских писателей. Что делать? Бежать и отбирать у читателя книгу Лида, разумеется, не стала. Рассудила, что срок выйдет – сам принесёт. Клуб любителей фантастики книги не передерживал. У них был армейский распорядок: книгу принял – книгу сдал. Как штык, ровно через десять дней.

Но недели не проходит – снова звонят. Снова будто бы из «Ленинграда»: «Вы литовских писателей выслали?» Лида им объясняет: книга на руках, читатель вернёт – сразу вышлем. В «Ленинград» как с цепи сорвались: «На каких руках?! Какой читатель?! Кто позволил?! Вы что там, с ума посходили? Вам сказано: книгу с фонда снять и вернуть немедленно!» Лида такого хамства не выдержала. «Мы, – говорит, – библиотека, а не то учреждение, которое вам надо. К нам поступила книга, мы её оформили и выдали читателю. Ездить по домам и конфисковывать недозволенную литературу не входит в наши служебные обязанности».

На том конце ещё поорали и трубку бросили. Лиде стало страшно, когда возмущение поостыло. Схватила за голову: «Кто меня за язык тянул!» Работать не может, всё из рук валится, сыпь выскочила на нервной почве. Проходит ещё день-два. Наступает срок возврата книги. Но вместо читателя являются прямо из Ленинграда трое молодцов в штатском на машине. Размахивают удостоверениями. «Кому выдали книгу? Имя? Адрес?» Взяли адрес, похлопали дверцами, умчались. Лиде от мысли, что она на человека органы напустила, сделалось так плохо, что коллега ей скорую вызвала.

А у читателя на квартире тем временем разыгралась драма, переходящая в театр абсурда, – в наших лучших национальных традициях. Читатель, представьте, умер накануне вечером. Внезапный инфаркт его свалил на пике трудоспособного возраста, как у наших мужчин заведено. Гэбэшники звонят в дверь, а в квартире слёзы, родственники, покойный на диване лежит. Никто не знает, что там за книгу он брал из библиотеки, куда там он её запрятал. Молодцы в штатском помялись, но делать нечего, приказ есть приказ. Начали обыск посреди траура – шкаф за шкафом, полка за полкой.

Подняли вверх дном всю квартиру. Никакой литовской фантастики не нашли. Уехали несолоно хлебавши и доложили, видно, своему начальству, что книга пропала с концами. Никто больше Лиде по этому поводу из Ленинграда не звонил.

На том бы история и закончилась. Лида сама ни за что не пошла бы разыскивать эту злосчастную фантастику. Она ужасно переживала из-за случившегося. Городок же небольшой. Скоро каждый ребёнок знал, что приезжало КГБ из Ленинграда искать у покойника библиотечную книгу. Лида мне сказала, что ей поначалу и на работу-то стыдно было ходить, не то что показываться на глаза семье покойного.

Сашина сестра подтверждает, что был у них в подъезде такой эпизод. То ли милиция, то ли «органы» проводили обыск в квартире на другой день после смерти хозяина. Сестра младше Саши на пять лет. Говорит, что была тогда «совсем маленькая» и не помнит ни год, ни имя соседа. Она в Израиле «почти двадцать лет» и давно не поддерживает связь ни с кем из «родного подъезда», но обещала «поспрашивать, если вдруг».

Судя по ледяной вежливости, с которой она отвечала на мои вопросы, я сомневаюсь, что это «вдруг» когда-либо случится.

Прошло сколько-то месяцев. Возможно, что и год прошёл. И вдруг в один прекрасный день книга приезжает к Лиде сама. Мальчишка её привёз – мне хочется сказать «мальчишка лет тринадцати», но лучше не буду. Вполне допускаю, что Лида этого не говорила и я сама додумала возраст, потому что явственно представляю себе этого мальчишку, хотя никогда его не видела. Почему-то в моём воображении он худенький, чернявенький, долговязый не по годам, в школьной форме со слишком короткими рукавами. Вы, пожалуйста, ни в коем случае не обращайтесь на этот образ внимания. Это чистой воды фантазии.

Оставляю без комментариев.

Лида этого мальчишка раньше не видела. Вероятно, он в другую библиотеку ходил, не в её районе. Он назвался соседом покойного любителя фантастики. Рассказал, что дядя Имярек дал ему книжку почитать на два дня, а забрать не успел. Лида спросила: «Что же ты, дорогой мой, так долго библиотечную книжку не возвращал?» Мальчик покраснел. «Я, – говорит, – боялся, что милиция к нам придёт». Он в школе был, пока гэбэшники соседей обыскивали. Потом, когда узнал, что у соседей стряслось, сразу же книгу спрятал подальше. Никому её не показывал – ни родителям, ни друзьям.

Лида спросила: «А ты сам-то книжку прочитал? Понравилось тебе?» Мальчик покраснел ещё гуще, помялся и признался в конце концов. Сказал, что прятал книгу не только потому, что страшно было. Он не мог с ней расстаться, пока не сделал себе собственный экземпляр. Он, представьте, от руки переписал весь сборник. Все пятьсот или сколько там страниц. Один бог знает, сколько времени и тетрадок ему на это понадобилось.

Лида похвалила парнишку за честность. Посоветовала никому больше про сборник не говорить и тетрадки свои среди друзей не афишировать. Тот с радостью пообещал, что нет-

нет, никому ничего не скажет. Попрощался и пулей из библиотеки вылетел. Видно, боялся, как бы Лида не передумала, не повела его в милицию.

Сборник остался у Лиды. Она прочитала его в тот же день. Рассказала мне, что не могла оторваться, дочитывала уже глубокой ночью. Никакого типографского брака в книге, конечно же, не нашлось. Зато содержание! Содержание было похлеще любого самиздата. У Лиды не укладывалось в голове, как эти повести пропустили в печать на русском. По-литовски их с грехом пополам ещё можно было представить. На прибалтийских языках, бывало, удавалось довольно несоветские вещи протащить. У прибалтов послабей была и цензура, и, главное, самоцензура. Но чтоб по-русски такое! В Ленинграде!

Во-первых, непечатными были сюжеты. Все повести, насколько я поняла, описывали будущее, далёкое и не очень далёкое. Советской власти в этом будущем то совсем не было ни в каком виде, то её было слишком много и вела она себя слишком правдоподобно – как настоящая советская власть.

Во-вторых, непечатным был общий тон прозы. Это я сама хорошо запомнила по тем повестям, что успела прочитать у Лиды в гостях. Настроение они оставляли не то чтобы мрачное или упадническое... Скорее, невыразимо печальное. Описать невероятно трудно... Представьте, что началось что-то непоправимое, какая-то ползучая, отложенная трагедия. И только вам известно, что ход событий изменить уже невозможно. И вам ясно, что никто в этой трагедии особенно не виноват, кроме законов мироздания. И поэтому вам некого проклинать, поэтому не с чем отважно бороться. Места подвигу уже не осталось. Но вам всё равно стыдно. Это важный момент. Вам горько, и стыдно, и очень легко. Как будто вы догадались, что лично вас обязательно пронесёт. Вы свой век доживёте без бед, какой бы ужасной ни была развязка для других.

Вы, пожалуйста, не принимайте эту аналогию слишком всерьёз. Она очень неточная. Я вам всего лишь краски разбрызгала по холсту. Ни одной верной линии этими красками не могу провести. Не найти мне уместных сравнений для того настроения. Ахматова или Мандельштам, пожалуй, нашли бы. А я, бесталанная, не могу.

И ведь обычными русскими словами всё было написано! Как им такое удалось, этим безвестным переводчикам? Сама себе перестаю верить, когда об этом думаю. Может, ореол тайны всё так окрасил задним числом? После Чернобыля? Может, и не было в той прозе ничего сверхъестественного... Может, всего-то и была одна случайная догадка... А остальное – Лидины горящие глаза. Её слова взволнованные. Ночь в чужом городке, в чужой квартире, сладость запретного плода – неужели в этом всё дело?

Как я уже сказала, сама я в ту ночь успела прочитать далеко не всё. В общей сложности, наверное, не больше четверти книги. Очень хотела читать дальше, но организм не выдержал, заснул, отомстил мне за бессонную ночь в прокуренном поезде.

Читала я не по порядку. Начала, вероятно, с повести о Припяти – она сразу привлекла моё внимание. Затем прочла ту, которую перевёл «В. Блажис». От неё считанные крупинки у меня остались в памяти. Помню космос, помню, что название было длинное и сюжет закрученный, красивый и как-то связанный с настоящим – с тогдашним настоящим. Отчётливей всего, стыдно признаться, помню чувство жгучей зависти к Вите Блажису, которое мучило, пока читала. Я же была уверена, что это его перевод. Переворачивала страницы, чуть не плача от обиды. Думала: мне так никогда не перевести.

Кажется, я начала читать и какую-то третью повесть. Но если и начала, то совершенно ничего не запомнила. Единственное, за что могу поручиться: Болоньи в той повести не было. Италию я бы не забыла, вы уж поверьте. Я ещё школьницей была – бредила Италией. Всю жизнь мечтала поглядеть на неё хотя бы одним глазком. На старости лет, уже литовское гражданство получив, сподобилась наконец. Спасибо дочери: свозила меня четыре года назад в Рим, во

Флоренцию, в Пизу. Чудесная была поездка. До сих пор ею живу. Вспоминаю её, когда кошки скребут на душе, и как-то легче становится...

Наутро я проснулась в Лидиной квартире одна. Был рабочий день. Возможно, четверг или пятница. Лида ушла на работу, так и не дождавшись моего пробуждения. Хорошо помню сытный завтрак, укутанный в белые полотенца. В общих чертах помню и записку на два листа, что лежала на кухонном столе рядом с завтраком. «Простите, дорогая Лара Михайловна, так уж вы сладко спали, не решилась вас тревожить, ключ бросьте в ящик». До вокзала дойдёте так-то и так-то, автобусы на Ленинград отходят тогда-то. «Спасибо Вам от всего сердца, что заглянули в наш городок». Большая часть записки состояла из благодарностей, местами очень личных, за конкретные стихи, за отдельные строчки. Видимо, Лида вложила в ту записку всё, что неловко было сказать в глаза.

Я ещё с детства, с Киргизии, мало ем с утра, но в тот раз себя заставила плотно позавтракать. Не хотелось обидеть хозяйку. Да и в полотенцах, чего греха таить, были вкуснейшие жёлтые творожники с изюмом. К ним прилагалась густая свежая сметана в чашечке, явно от частника. Очень запомнились мне Лидины творожники. Сама я, как вы понимаете, женщина книжная. На то, чтобы нажарить спозаранку такого великолепия, у меня в жизни ни сил бы не нашлось, ни умения, ни, что самое главное, изюма – даже для самых дорогих гостей. Дома у меня все на спартанском пайке сидели: что лежит в гастрономе без очереди, что готовится быстро, то и кушать изволим. Муж покойный смеялся, давясь вермишелью: «Спутал чёрт, едрёна мать, поэтессу в жёны взять!»

Если не считать времени, потраченного на творожники, задерживаться в квартире я не стала. Неловко было. Дочитывать фантастику литовских писателей мне, кажется, даже не пришлось тогда в голову. Сполоснула посуду, оделась, схватила свою походную суму многострадальную – и бегом на вокзал. Предполагаю, хоть и не помню, что собиралась позвонить Лиде из автомата (в квартире у неё телефона не было), но почему-то не позвонила. Не увидела автомата по дороге? Спешила на автобус? Не нашлось двухкопеечной монеты в кошельке? Как бы то ни было, до дома в Ленинграде я добралась только к вечеру, звонить Лиде в библиотеку наверняка было уже поздно, а на следующий день всё завертелось-закрутилось, как обычно: семья, переводы, собрания, мелочные интрижки и придирки издательские, на которые столько нервов уходило...

Так вот и получилось, что забыла я о Лиде как минимум на полгода, а скорее всего, на какой-то более долгий срок. И справки об удивительном сборнике не бросилась наводить. Лишь после чернобыльской аварии вспомнила свою поездку в Сланцы. Когда известия о катастрофе под Припятью перешли из области слухов в разряд официальной трагедии, за которую вождам нашим пришлось каяться перед всей Европой, я звонила в Лидину библиотеку. Звонила, судя по всему, не позднее конца мая восьмидесят шестого.

Говорю «не позднее конца мая», потому что тридцатого мая умерла моя свекровь. Мы всей семьёй отправились в Пестово на похороны. Это в Новгородской области. Там я застряла со свёком на много недель; кажется, чуть ли не до августа. Свёкор без жены оказался почти беспомощен в быту, но не желал этого признавать, хорохорился, не хотел переезжать ни к нам в Ленинград, ни к дочери в Новгород. А поскольку одна лишь я могла на дому работать с переводами своими, мне и пришлось за ним присматривать, пока не уломали его, не увезли к моей золовке.

Таким образом, мой последний разговор с Лидой состоялся не позднее конца мая. Помню, что говорили мы долго, за межгород у меня набежало два с чем-то рубля на переговорах.

Я посмотрел из любопытства, что выходит по тогдашним тарифам. Учитывая, что до Сланцев от Питера более 100 км, звонок на «два с чем-то» продолжался не менее тридцати минут.

Содержание той беседы запомнилось почему-то гораздо хуже. Кажется, Лида рада была меня слышать. Вероятно, она подтвердила, что в сборнике действительно была повесть о катастрофе в районе Припяти; иначе откуда же у меня такая непоколебимая уверенность в том, что она была? Предполагаю также, что мы условились в ближайшее время снова выйти на связь. Безотносительно к тому звонку, помню, как я собиралась ехать в Сланцы, как думала вооружиться «Зенитом» мужа и метрами фотоплёнки, чтобы отснять пророчества литовских писателей.

Но так и не съездила. Хотя, когда вернулась из Пестова, ещё раз до Лиды пыталась дозвониться – то ли в сентябре, то ли позже, но всё в том же году, восемьдесят шестом. Не застала её в библиотеке. Потом вроде бы писала ей письмо. Но дописала ли? Отослала ли? Не могу сказать с уверенностью...

Как бы то ни было, не следопыт я по темпераменту. Играть в Жюля Верна, гоняясь за таинственной книгой по Ленинградской области, – это, к сожалению, не моё. Охладила мою следопытскую прыть и начавшаяся перестройка. Трудно было поверить, что никто, кроме меня и безвестной библиотечарши из Сланцев, не вспомнит ленинградский сборник, в котором чёрным по белому предсказана авария под Припятью. «Да будь эта книга хоть трижды под запретом, – думала я, – неужели люди вроде Вити Блажиса так запуганы, что будут врать мне в лицо?»

Чем больше вокруг было гласности, тем сильнее я сомневалась. Почему люди, причастные к изданию сборника (а это же десятки людей!), продолжают хранить гробовое молчание? Во всех издательствах, в журналах половодье непечатной прежде литературы, в Литве уже «Саюдис», уже дело идёт к независимости, а этих литовских фантастов как будто расстреляли всех разом, причём заодно с переводчиками, корректорами, редакторами! Как будто сожгли все их рукописи, не оставили ни единого следа, кроме книжки в Сланцах! Ведь не могло же такого быть. Даже при Сталине не умели напрочь вымарать из истории целую книгу. Что уж говорить про последние годы советской власти?

В конце концов я перестала верить собственной памяти. Нет, я не думала, что мне пригрезилась поездка в Сланцы, выступление в тамошней библиотеке, встреча с Лидой. Всему этому имелись вещественные доказательства в отчётности Ленинградского отделения Союза писателей. Но того сборника, решила я, быть никак не могло – во всяком случае, не в том виде, который мне назойливо подсовывала память. Яркость, детальность моих воспоминаний о книге не убеждала меня, а, напротив, лишь усиливала подозрения.

«Ладно, – твердила я себе. – Какую-то книгу я, по всей видимости, читала в тот вечер в квартире едва знакомой женщины в чужом городке. Допустим даже, что фантастику. Но всё остальное, вероятно,росло задним числом, присочинилось: и литовские авторы, и крамола, и рейды КГБ, и, самое главное, Припять с атомной катастрофой».

И это ещё что! Стыдно вспоминать, но некоторое время я всерьёз подозревала, что стала жертвой гипноза. Тогда ведь началась эпоха Кашпиrowsкого и Чумака, в газетах каждый день писали об экстрасенсах. Я не верила ни в бога, ни в чёрта с привидениями, но меня, инженера, человека по складу ума совершенно научного, подкупили наукообразностью, с которой эта чепуха преподносилась. С большим интересом читала я о биополях, о неизведанных резервах человеческого организма. «А что, – думала я, – если Лида в тот вечер пустила в ход свои неизведанные резервы?» Что, если она внушила мне чувство столкновения с чем-то таинственным, а уж я потом сама наполнила это чувство фактическим содержанием? Как девочка, которая

изнемогает от беспредметной влюблённости, пока не находит, наконец, на кого выплеснуть эту влюблённость...

Признаюсь: нечто подобное, экстрасенсорное, я допускала вплоть до того момента, когда получила ваше письмо. Прочитав его, испытала сразу и облегчение, и горечь. Рада была, что не нужно больше сомневаться в своей памяти, не нужно из Лиды делать Кашпировского с медной косой. Но до слёз при этом сделалось жаль, что так и не съездила в восемьдесят шестом в Сланцы с фотоаппаратом, что потеряла связь с Лидой. Махнула рукой не просто на тайну, а на хорошего человека, который мне эту тайну доверил.

У меня (вздыхает) натурально билет был в Вильнюс на 19 марта. А Литва 16-го закрыла границу. А в апреле Лара Михайловна умерла. Так, по крайней мере, мне 2 мая сказал женским голосом на русском и литовском языках автоответчик по её номеру.

Распечатанную копию тетрадки Лены Негиной, впрочем, выслал ей почтой в прочном финском конверте 11 апреля. По трекингу знаю, что дошло 15-го. Не знаю, успела ли Лара Михайловна прочитать. Надеюсь, успела.

Повторю в энный раз: кому-то, у кого нет заочного приговора за госизмену, надо наконец съездить в Сланцы.

Свидетель № 6

Шуквани Нанико

Тбилиси, 1986

Год и место рождения: 1968, Рустави (ок. 20 километров на юго-восток от Тбилиси).

В 1972–1990 гг. проживала в Тбилиси.

В 1982–83 гг. провела восемь месяцев в Ленинграде (октябрь – май).

В 1990–1994 гг. проживала в США.

С 1994 г. живёт в Германии (в Бохуме, затем в Берлине).

*Профессия: с 2012 г. преподаёт классическую филологию во Freie Universität Berlin. Более двух десятков научных публикаций (на немецком и английском), в т. ч. монография *Gendered Space and Female Mobility in Greek Drama of the Classical Period* (De Gruyter, 2017).*

Дата наводки: 3 июня 2020.

Воспоминания получены 8 июня 2020.

Заранее простите меня за мой русский язык. В последние годы всё реже доводится писать по-русски, знания теряются, с трудом вспоминаю нужные слова и окончания.

Как я писала вам ранее, сборник, который вас интересует, попал мне в руки во втором семестре первого курса университета. Значит, в начале 1986 года. Думаю, это случилось в феврале или в самом начале марта. У меня впечатление, что до Чернобыльской аварии оставалось много недель, не менее пяти-шести. Я успела прочитать наиболее понравившиеся мне повести несколько раз. На февраль-март указывает и такое обстоятельство, как место чтения. В тёплое время года я любила читать в Университетском саду. Это был совершенно дивный сад тогда, вся наша компания бежала туда с книгами при первой возможности. Однако не припомню, чтобы я читала тот сборник в Университетском саду. Наверное, была холодная или дождливая погода.

Сборник оказался у нас дома таким же образом, как и многие другие редкие книги. Его принёс интересный человек, книголюб-коммерсант, которого в нашей семье за глаза называли Аркивисти, «архивариус». Настоящего имени я, к сожалению, не помню, и брат мой тоже не смог вспомнить. Родителей больше нет в живых, у них не спросить. Не знаю также, где Аркивисти официально работал, был ли он на самом деле архивариус. Зато внешность его помню хорошо: высокий, при этом сутулый, плечи покатые, широкие руки с волосатыми пальцами, огромные очки в толстой оправе, блестящая лысина в обрамлении всклокоченных пучковатых волос. Задним числом мне кажется, что лицом он походил на Мераба Мамардашвили, известного философа. Только выглядел менее ухоженно.

Аркивисти торговал разнообразным книжным дефицитом. Он всегда приходил с большим портфелем и суетливо оглядывался, переступая порог нашей квартиры. С точки зрения советских законов, он, конечно, занимался спекуляцией и поэтому чрезвычайно боялся, что его посадят. Его опасения мне сейчас кажутся немного смешными, преувеличенными. Тогда в Грузии, да и в других республиках было немало людей, которые занимались настоящим подпольным бизнесом, имели подпольное производство, ворочали большими деньгами. Мой отец работал в лёгкой промышленности, ему лично приходилось сталкиваться с подобными дельцами. Они как раз ничего особо не боялись, у них везде были связи, вплоть до республикан-

ского КГБ. Может быть, впрочем, именно поэтому наш Аркивисти держался робко. У него, мелкого интеллигентного спекулянта, особых связей, наверное, не было.

Какие чудесные книги он приносил! До сих пор слышу запах некоторых томов, вижу их благородные кожаные переплёты: бордовые, зелёные, тёмно-синие, чёрные с золотым тиснением. Из портфеля Аркивисти появлялись и остатки дореволюционных библиотек, и сравнительно недавние издания на иностранных языках, которые разными нетривиальными способами привозились из-за границы. (У мамы дворянские корни, она получила от бабушки превосходное домашнее образование помимо школьного. Читала по-французски, по-немецки, по-итальянски. Мама покупала иностранные книги, когда только могла.) Попадался в портфеле и русский тамиздат. Помню непривычную, несоветскую обложку романа «Жизнь и судьба», изданного за границей, с французским подзаголовком. Но тамиздата было мало. Может быть, Аркивисти боялся, что посадят не только за спекуляцию, но и за антисоветчину.

Значительную долю ассортимента составляли дефицитные советские книги, которые нельзя было достать без блата. Из портфеля Аркивисти на наши стеллажи перекочевало немало красочных альбомов по искусству, разнообразные подписные издания. Мне досталось несколько книг из академической серии «Литературные памятники»: элегии Овидия, «Размышления» Марка Аврелия, письма Плиния и Сенеки, оды Пиндара, комедии Менандра, «Библиотека» Аполлодора. Я их зачитала до дыр. Ещё в восьмом классе я приняла решение, что пойду на классическую филологию. Каждый новый «литпамятник» укреплял меня в этом решении.

Как сложилась бы моя судьба, если бы Аркивисти извлёк из портфеля «Повести ленинградских писателей» ещё до моего поступления в университет? Как бы я отреагировала, если бы прочитала эту необыкновенную книгу ещё школьницей, когда мне казалось, что я наедине с целым миром, когда не встретила ещё «свою» компанию на филфаке? Кто знает...

Полностью сборник назывался ლენინგრადელ მწერალთა ფანტასტიური მოთხრობები. На обложке так и было написано белыми буквами в три строки по левому краю:

ლენინგრადელ მწერალთა
ფანტასტიური
მოთხრობები

Произносится это так: «Ленинградел мцералта фантастиური мотхროбеби». «Фантастические повести ленинградских писателей».

Как я говорила выше, Аркивисти, скорее всего, принёс эту книгу в феврале или в начале марта 1986 года. Её покупка мне теперь представляется невероятной сразу по трём причинам. Во-первых, у нас в семье никто не читал фантастику. Мама, наша главная читательница, считала фантастику «авантюрным жанром» для мальчиков. Папа вовсе не жаловал никакую беллетристику, предпочитая историческую и техническую литературу. Я была в целом согласна с мамой. Фантастика, которую доводилось читать, казалась плоской, неумело написанной. В ней словно действовали не люди, а фигурки, вырезанные из картона. Может быть, мой брат любил бы фантастику, если бы он вообще любил книги. Но брат читал только по принуждению, для школы. Он тогда увлекался рок-музыкой и футболом.

Во-вторых, никто ведь не читал русскую литературу в грузинском переводе. Это был нонсенс. Конечно, она переводилась на грузинский, для галочки. В республиканском Союзе писателей были, наверное, люди, которые так зарабатывали на жизнь. У нас на даче пылились «Тихий Дон» по-грузински, «Анна Каренина», «Герой нашего времени». Сомневаюсь, что их открывал кто-нибудь. Поэтому само по себе то, что Аркивисти принёс перевод с русского, было уже странно.

В-третьих, он ведь сказал мне прямым текстом: «Эта книга для другого читателя». Дословно помню: ეს წიგნი სხვა მკითხველისთვისაა.

Мы, как всегда, толпились вокруг него у большого овального стола в гостиной. Я там была, мама была, папа был, а также Леван Джамалидзе и Тамила Габуния, мои сокурсники, которые зашли к нам в гости после занятий. Леван ухаживал за мной на первом-втором курсе, но женился потом как раз на Тамиле (в нашей компании решительно все переженились рано или поздно). Я с ними связалась на этой неделе через фейсбук. Леван тоже помнит тот день. Он мне ответил: «Это когда я заставил барыгу продать тебе книгу о космосе? Как же, отлично помню. Ты меня поцеловала в щёку, когда книгу прочитала». К сожалению, о самой книге он, помимо космоса, ничего не помнит.

Аркивисти в тот раз нервничал больше обычного. Наверное, из-за присутствия Тамилы и Левана, с которыми он не был знаком. Поначалу чуть не отклонялся, бормоча, что заглянет в другой раз, но как-то мы все его успокоили. Он поставил портфель на стул, щёлкнул застёжками, принялся бережно доставать свои драгоценности и раскладывать на столе.

Кажется, одним из первых появился кирпич под названием «Бессознательное». Аркивисти уверял, что это новый том редкой научной серии, знающие люди с радостью отдадут за него не меньше сотни, это прекрасное капиталовложение, хоть и вышло в грузинском издательстве. Потом он вытащил «Повести...», но не стал класть на стол, просто подержал в руке. Вероятно, он вовсе не собирался эту книгу показывать, ему понадобилось вынуть её, чтобы достать другую книгу.

Необычное оформление обложки бросилось мне в глаза, я спросила: «А что это за книга?» Тогда Аркивисти и сказал с неожиданной резкостью: «Эта книга для другого читателя». И поспешно засунул книгу обратно в портфель.

Леван, который тогда считал себя моим кавалером, вступился за меня. «Разве нельзя взглянуть на книгу, полюбопытствовать? Может быть, мы тоже закажем себе экземпляр, если Нанико заинтересует», – примерно так он сказал. По-мальчишески важно, задиристо. Ему явно хотелось объединить себя и меня в одно «мы».

Я в свою очередь поддержала Левана, сказав что-то в том же духе. Аркивисти нехотя вынул книгу из портфеля и протянул мне. Помню, как я гладила глянцевую изумрудно-бирюзовую обложку с белыми буквами, листала страницы из хорошей бумаги. Внезапно я поняла, что не могу расстаться с этой книгой. Стою, листаю и думаю: я обязательно должна прочитать эти повести.

Моё внезапное желание отчасти было вызвано тем, что в одной из повестей действие происходило в античности. Повесть называлась *მანტინელი ლასტენიას მონა ქალი* («Мантиневели Ластенияс мона кали»), «Рабыни Ластении Мантинейской». С первой страницы было ясно, что рассказ ведётся от лица девушки, которая посещает Академию Платона в Афинах. (Из античных источников нам известно, что среди учеников Платона были как минимум две женщины. Их звали Ластения и Аксиотея. На занятия они ходили в мужских одеждах, чтобы не вызывать порицания общественности.)

Но более важной причиной, думаю, было чудесное оформление сборника, а также его ленинградское происхождение. Я ведь почти весь восьмой класс прожила у тёти в Ленинграде, только экзамены приехала сдавать в своей первой школе в Тбилиси. У мамы с папой был тогда непростой период в семейных отношениях, поэтому меня отправили к тётке от греха подальше.

Официальная цель моего пребывания в Ленинграде была заговорить по-русски «красиво», то есть без грузинского акцента. Этой цели я так и не достигла, надо было раньше посылать, ещё в младших классах. К тому же в моей хорошей ленинградской школе, не хочу называть номер, оказалось несколько жестоких ребят и девочек, которые меня дразнили. Они называли меня Нани Брегвадзе, спрашивали, «почём помидоры на рынке», заменяли женский род на мужской, когда со мной разговаривали, и тому подобное. Было очень обидно. На уроках я из-за насмешек часто нервничала, стеснялась открывать рот, на переменах держалась особняком. Надо сказать, что наш классный руководитель, немолодая учительница химии Октяб-

рина Давидовна, не раз вступалась за меня, стыдила тех, кто дразнил. Но она была исключением, остальные учителя смотрели сквозь пальцы, а кое-кто и сам подшучивал надо мной.

И всё равно я влюбилась в Ленинград. Говорят, со всеми девушками моего душевного склада так происходит, если они попадают в Ленинград в нежном возрасте. Моя тётя жила на Гражданской улице, это рядом с каналом Грибоедова, недалеко от площади Мира, как она тогда называлась. Оттуда недолгая прогулка до Исаакиевского собора, Казанского собора, «Дома книги», Адмиралтейства, Эрмитажа, до памятника Петру Великому на коне, до Невы, где все открыточные виды на Васильевский остров и Петропавловскую крепость.

Также благодаря тётинной квартире у меня всё-таки завелась одна хорошая ленинградская подруга. Её звали Наташа Пчелинцева. Там в коммуналке три семьи жили: тётя Ирма с мужем и сыном в двух комнатах, напротив одинокая женщина лет пятидесяти, работавшая уборщицей в Мариинском театре, и в конце коридора Пчелинцевы с бабушкой и дочерью Наташей. Они жили в одной громадной комнате с перегородками. Наташа была на два года меня старше, училась в десятом классе и сразу взяла надо мной шефство, стала моим проводником по тому Ленинграду, о котором все приезжие вздыхают. Я далее напишу ещё о Наташе, она тоже связана с книгой, которую вы ищете.

В чём бы ни заключалась причина моего страстного желания прочитать «Фантастические повести ленинградских писателей», я не могла ему противиться. Я спросила Аркивисти: «У вас есть оригинал этой книги, по-русски?»

Он сначала пропустил вопрос мимо ушей, ему явно не хотелось разговаривать о «Повестях», но я не сдавалась. Тогда Аркивисти объяснил, что русского оригинала в печатном виде не существует. По его словам, повести сборника никогда не публиковались по-русски из-за их несоветского содержания. Их грузинское издание было якобы авантюрой некоей диссидентской группы, образовавшейся в издательстве «Мецниереба». Якобы эти диссиденты, желая показать фигу в кармане союзным властям, набрали в Ленинграде хорошей фантастики, не прошедшей цензуру, перевели её на грузинский и напечатали, указав по-русски совсем другие оригиналы. Когда тираж был уже готов, авантюру якобы раскрыли. Диссидентов из издательства уволили, а весь тираж отправили на макулатуру, лишь несколько экземпляров удалось спасти, и теперь каждый из них на вес золота.

Вы знаете, я много потом думала о том, что нам рассказал Аркивисти. Пока мы его слушали, история казалась достаточно правдоподобной. Даже мои родители, насколько я помню, не стали тогда задавать вопросов. Чистой правдой было, что в выходных данных сборника значилось издательство «Мецниереба» и что названия «оригиналов», указанные по-русски на одной из титульных страниц, не имели ничего общего с грузинскими названиями. Я запомнила два русских названия: «Хеопс и Нефертити» и «Картель». По-грузински в сборнике ничего даже отдалённо похожего не было.

Фантастические произведения с такими названиями действительно выходили, причём до 1985 года: «Хеопс и Нефертити», Александр Житинский, первая публикация в журнале «Аврора» в 1980 году; «Картель», Ольга Ларионова, первая публикация в магаданском альманахе «На севере дальнем» в 1979-м. И Ларионова, и Житинский действительно ленинградские писатели.

Однако некоторые другие подробности не сходятся. Прежде всего, что касается издательства «Мецниереба». Это было издательство грузинской Академии наук. Позднее, когда уже начался капитализм, оно издавало, конечно, и детективы, и всякий вздор о тайнах египетских пирамид. Но в советское время оно было очень солидное. Фантастика там не выходила, тем более переведённая с русского. Поэтому не очень понятно, как таинственные диссиденты могли включить подобный сборник в планы издательства.

Можно предположить, что они сидели на самом верху, в руководстве. Но тогда очень странно, что в нашей семье никто не слышал о разгоне руководства в издательстве Академии наук. Конечно, подобные новости в то время редко сообщали в газетах, но Грузия ведь маленькая, грузинская интеллигенция и того меньше. Если бы в «Мецниереба» сняли руководство из-за антисоветского демарша, об этом на следующий день знал бы весь Тбилиси, а через неделю – вся республика. Да что говорить о руководстве! Даже о мелких увольнениях за политику всегда ходили слухи, мои родители наверняка бы что-нибудь слышали. А они ничего похожего не слышали ни до рассказа Аркивисти, ни после него.

Надо также учесть, что шёл 86 год. Хотя никто ещё не представлял, что скоро можно будет публиковать что угодно, атмосфера как-то неуловимо менялась. Новые лица пришли к власти в Москве, которые говорили уже немного по-другому. В нашей студенческой среде всё это живо обсуждалось. (У нас в компании Гиорги Сургуладзе был главный политический активист, он отслеживал новые веяния и перестановки в Кремле. Его дядя состоял в подпольной организации, сидел дважды.) Количество самиздата росло прямо на глазах, по рукам ходили антисоветские листовки, брошюры. Тем более странным кажется, что скандал с уничтожением тиража в издательстве «Мецниереба», если он действительно имел место, так и не вызвал общественного резонанса, хотя бы и с некоторым запозданием. В книге ведь было указано, что она вышла совсем недавно, в 1985 году.

Обо всех этих странностях я, впрочем, начала думать лишь впоследствии, когда сборник был утрачен. Простите, что излагаю так сумбурно, перескакиваю с одного на другое. Сейчас я вернусь в тот день, когда мы купили «Повести» у бедного Аркивисти.

Говорю «мы», потому что платили за него втроём: папа, Леван и я. Едва лишь Аркивисти закончил рассказывать историю о диссидентах в издательстве «Мецниереба», как я выпалила, прижимая сборник к груди: «Мне очень нужна эта книга! Сколько она стоит?» Он разнервничался ещё больше, замахал руками: «Я же сказал, на эту книгу есть уже покупатель, она не для вас!» Его попросили успокоиться: «Что вы расшумелись? Нанико всего лишь спросила о цене!» В конце концов мы общими усилиями заставили его назвать цену. «Сто рублей!» – сказал Аркивисти.

За каких-то советских писателей, изданных в Грузии, пусть и неподцензурных, это было много. Даже редкие атласы или альбомы по искусству стоили меньше, за них брали 50–70 рублей. Но мне уже было всё равно, так сильно я хотела прочесть эту книгу. Я залепетала: «Вы сможете достать ещё один экземпляр? К следующему разу обязательно соберу деньги...» Аркивисти буркнул, что постарается.

Я уже оторвала книгу от груди, чтобы вернуть ему, но в этот момент подскочил Леван. Он меня остановил и заявил громогласно: «Мы даём вам двести прямо сейчас!» А потом обвёл нас всех жалобным взглядом и добавил уже совсем по-другому, чуть ли не заискивающе: «Ведь даём, да? У меня с собой только сорок три рубля двадцать копеек...» Не помню точную сумму, но помню, что примерно такого порядка и с копейками. Контраст между этими репликами Левана был настолько комичен, что все засмеялись, включая Аркивисти. Леван сначала покраснел как рак, но потом и сам засмеялся.

(Леван, кстати, выделялся даже в нашей компании «золотой молодёжи». Отец его заседал в Совете министров ГССР, дедушка по маме был ректором Сельскохозяйственного института. У Левана всегда в карманах водились банкноты по десять и двадцать пять рублей. Он их тратил на друзей и на пластинки, то есть, в конечном счёте, тоже на нас, потому что пластинки ходили потом у нас по рукам.)

После долгих уговоров и торгов Аркивисти согласился продать сборник, причём за 130 рублей. Я упростила папу сделать мне ранний подарок на восемнадцатилетие (мой день рождения в начале апреля), и в итоге бо́льшую часть суммы внёс именно он. Леван добавил свои сорок с чем-то. А моя доля составила восемь рублей. Вероятно, это были все мои оставшиеся

деньги за ту неделю, из чего следует, что был вторник или среда. На первом курсе родители выдавали мне каждую неделю десять рублей на карманные расходы.

Так я ненадолго стала обладательницей книги, которую вы ищете.

Сегодня издательство «Мецниереба» («Наука») существует постольку, поскольку существует и что-то издаёт Академия наук Грузии. Я списался с отделом Академии наук, который занимается выпуском национальной энциклопедии. Попал там на сердобольнейшую женщину по имени Тамар Бидзинашвили. Больше часа проговорил с ней в видеочате. Она навела справки и заверила меня, что ничего похожего на «Фантастические повести ленинградских писателей» в «Мецниереба» не выходило «никогда в истории» и никого в середине восьмидесятых из издательства за диссидентство не увольняли. Разумеется, пригласила меня заходить в гости, если буду в Тбилиси. Обещала и впредь помогать «в ваших интересных поисках».

Я (надо ль уточнять?) готов рвануть в Тбилиси в любое время, лишь бы самолёты летали. Но подозреваю, что есть резон сначала навести кое-какие справки известно в каком городе. См. ниже. Поскольку я туда не ездок, придётся кому-то из вас.

конец распечаток, найденных в «лаконии»

Папка вторая Хельсинки – Болонья – Хельсинки

Приличный зазор для тайн

Хельсинки. Первый зал книжного магазина «Лакония».

Июль 2020 года

Бурую коробку, в которой нашлись загадочные распечатки, привезли к открытию магазина. Она была самая большая из четырёх, высотой по колено. Почти неподъёмная в одиночку. Долговязая женщина, представившаяся Анной, занесла её в «Лаконию» вдвоём с белобрысым парнем очень спортивного телосложения. Парень был раза в два моложе Анны, но имел такой же несимметричный подбородок, узкий нос и тонкие губы. Он, видимо, приходился ей сыном. Анна не пояснила.

Утро, когда принесли коробку, было июльское, солнечное. На улице свежо пахло мокрым скандинавским городом после ночного дождя. В «Лаконии» в тот день работали две волонтерки. У кассы хозяйничала Мирейя Муньос Эррера, испанская студентка, застрявшая в Хельсинки на все каникулы из-за большой любви и пандемии. Коробку поставили к её ногам. Точнее, наполовину поставили, наполовину шлёпнули – белобрысый парень слишком рано выдернул руку из паза в картоне.

Грохнув первой коробкой, парень отправился за второй. Долговязая Анна осталась в магазине. Она надела маску с цветочным узором, которая до того болталась у неё на ухе, и заговорила с Мирейей по-фински. Владельцы магазина в курсе происходящего, объяснила она. Она звонила им накануне, и ей сказали, что да, «Лакония» готова забрать четыре коробки преимущественно русских книг и даже немного заплатить, если в коробках попадётся что-нибудь ценное. На что она, Анна, ответила: спасибо, деньги не нужны. Это не её книги, ей просто жаль их выбрасывать.

Испанка Мирейя покраснела. Она уже несколько месяцев пыталась учить финский, но все эти месяцы в её жизни столько всего происходило, несмотря на пандемию, да и большая финская любовь Мирейи не требовала никакого языка, кроме того, который по традиции называют английским, хотя его давно следовало бы назвать как-то иначе. Теперь, натужно вслушиваясь, Мирейя поняла две вещи: что женщина с коробкой и спортсменом-альбиносом представилась Анной и что «вчера» эта Анна совершила некое действие, связанное с владельцами магазина. Но дальше было как всегда: речь женщины потекла ручьём плюшевых звуков, которые по-прежнему казались Мирейе инопланетными.

– I’m sorry, – в конце концов спохватилась она. – I’m afraid I don’t speak Finnish¹.

Анна сменила язык. Пока она повторяла свои объяснения, терпеливо подбирая английскую лексику, белобрысый атлет принёс вторую коробку, поменьше, и вышел за третьей.

Из коридорчика, уводящего в туалет и подсобные помещения, между тем выскочила, на ходу напяливая маску, другая волонтерка, Даша Кожемякина. Опять же студентка, только местная. Ну, или если кому-то сразу надо знать, привезённая мамой в Хельсинки из города Кингисеппи в возрасте одного года и восьми месяцев.

В отличие от Мирейи, Даша Кожемякина около восьми утра получила сообщение от хозяйки магазина (к слову, крупнейшей финской специалистки по философским мыслям Вла-

---

¹ I’m sorry... I’m afraid I don’t speak Finnish. – Извините... Боюсь, я не говорю по-фински (англ.).

димира Вернадского и прочих научных космистов). Хозяйка предупреждала, что в течение дня принесут книги, оставшиеся от «убитого русского». Эти книги, поясняла хозяйка, надо «тематически разобрать», если у Даши «найдётся время». Сообщение заканчивалось стикером с премудрой выдрой в очках. Выдра обнимала перепончатыми лапками толстенный красный фолиант.

У Даши, которая из-за пандемии не смогла на лето устроиться ни на какую оплачиваемую работу, времени было навалом. Иначе бы она не помогала букинистам, пускай и лучшим в Скандинавии, за большое спасибо и старые книжки. К тому же Даша ничего не слышала про «убитого русского». Сгорая от любопытства, она полезла гуглить в финских новостях «убийство русского», «убили русского» и «русский найден мёртвым».

Запрос по словам «русский найден мёртвым» выдал среди прочего коротенькую заметку недельной давности:

«В ночь с 23 на 24 июля, – скупоточитывалась столичная редакция общественной телерадиокомпании *Yle*, – в подъезде своего дома на Линнанкоскенкату обнаружен мёртвым 48-летний мужчина, гражданин России, проживавший в Хельсинки с 2018 года. Тело нашли соседи. Причина смерти устанавливается. По предварительной информации, явных следов насилия на теле покойного нет».

Больше ничего про мертвеца с Линнанкоскенкату в финском интернете не было.

Теперь, увидев напротив Мирейи женщину с коробками и услышав слова *Russian books*, Даша немедленно спросила:

– Onko tässä sen kuolleen venäläisen kirjat?

В смысле: «Это книги мёртвого русского?» Анна ответила: «Да, они самые». Белокрысы парень между тем занёс в магазин третью коробку, поставил её на вторую и ушёл за четвёртой.

Даше захотелось воскликнуть *Wow!* или хотя бы всплеснуть руками от воодушевления. В начале июля (когда она сидела в распахнутом окне своей комнаты на третьем этаже, подбрав ноги в полосатых носках и размышляя, стоит ли отзывать на крик магазина «Лакония» о помощи, который увидела в фейсбуке) ей рисовался именно такой сценарий. Она воображала, как в магазин привезут книги эксцентричной старушки, которая унесла в могилу фамильную тайну, или библиотеку нелюбимого деда, пропавшего при загадочных обстоятельствах, и она, Даша, будет рыться в неприкаянном книжном наследстве и случайно нароет улику, которая прольёт свет на все загадки.

Конечно, русский покойник не был прямо так уж дедом и к тому же не пропал, а всего лишь умер у себя в подъезде на Линнанкоскенкату. Но следует помнить, что Даше Кожемякиной шёл двадцать первый год; она в глубине души ещё не очень верила, что до сорока восьми вообще доживают. Сорок восемь, казалось Даше, – это преклонный возраст. Что же касается смерти русского с Линнанкоскенкату, то её причины, как мы помним из сообщения *Yle*, «устанавливались». А значит, оставался приличный зазор для тайн.

Она удержалась от неуместных проявлений энтузиазма, но всё же спросила Анну с коробками, как продвигается расследование. От чего умер владелец книг?

При этом Даша, которая немного стыдилась своих фантазий в жанре «тёплый ламповый детектив у камина», не ожидала на самом деле ничего загадочней инфаркта. Она знала, что мужчины, ведущие российский образ жизни, сплошь и рядом умирают задолго до пенсии. У неё даже был двоюродный дядя в Питере, который пришёл однажды с работы в свою ипотечную квартиру бледный и потный, сел на диван, включил телевизор и умер в возрасте тридцати девяти лет прямо на глазах у жены и лабрадора. (Сын, то есть Дашин троюродный брат, к счастью, был на каникулах у бабушки.)

Но тут в «Лаконии» случилось неожиданное. Долговязая Анна в маске с цветочным узором не сказала ничего ни про какой инфаркт.

От чего преставился русский, ответила она Даше, по-прежнему неизвестно. Ей, Анне, принадлежала квартира, которую снимал покойник. К ней, Анне, за минувшую неделю уже дважды являлась полиция, причём во второй раз – какая-то странная полиция, в гражданском. Полиция рылась в вещах русского и задавала много вопросов, оба раза примерно одинаковых. Когда Анна в свою очередь просила объяснить, почему же всё-таки смерть её квартиросъёмщика требует полицейского расследования, полиция уклончиво бубнила. «Экспертиза продолжается», «обстоятельства уточняются» – в таком духе.

Белобрысый парень между тем занёс в «Лаконию» четвёртую коробку и почему-то водрузил её на малиновый диван справа от входа. У коробки на боку темнели силуэты высотных зданий, напечатанные синим по картонному. На верхней грани коробки Даша, прищурившись, разглядела два квадратика. В одном квадратике был орёл, в другом – эмблема «Почты России». Видимо, сама коробка тоже осталась от покойника.

– That's it, – сказал парень, зубасто улыбаясь в сторону Мирейи Муньос Эрреры. – That was the last one. Mission accomplished².

Мирейя вяло улыбнулась из-под маски его стандартной шутке. Парень не вызывал у неё симпатии. Он выглядел и держался так, будто не читал ничего, кроме инстаграма, и уже мечтал развлекать её, Мирейю, подробным рассказом о всенощной пьянке на пароме Хельсинки – Рига в допандемийные времена. Застукав себя на этой мысли, Мирейя покраснела. Она всегда краснела, когда ловила себя на предвзятости.

Анна, хозяйка квартиры мёртвого русского, подтвердила тем временем, что больше коробок нет. В этих четырёх, сказала она, все книги, которые стояли у покойного на полках, лежали на столах или валялись на подоконниках. Ещё, правда, были какие-то старые журналы, уточнила она. В основном на русском. Но владелица «Лаконии», с которой Анна говорила по телефону, сказала, что журналы везти не надо.

Даша Кожемякина спросила, а как же полиция. Быть может, книги понадобятся в ходе расследования? Если вдруг (пояснила Даша, понизив голос от смущения) всё же выяснится, что ваш мёртвый жилец умер насильственной смертью...

Да, кивнула Анна, полиция уже осмотрела книги. Вчера днём, когда трое полицейских в гражданском производили обыск в квартире, среди них была женщина, знающая русский язык. Эта женщина, рассказала Анна, прочитала все корешки и обложки. Некоторые книги она крутила в руках и даже листала, но, похоже, не нашла ничего достойного внимания. Во всяком случае, ей, Анне, потом объявили, что она вольна распоряжаться вещами покойного по своему усмотрению. На них, сказали ей, якобы не претендуют ни друзья, ни родственники, ни финское государство. Оно (государство) забрало всё, что ему требовалось (ноутбук и телефоны), ещё в первый раз – руками нормальной полиции, в форме.

Услышав, что полиция не заинтересовалась книгами покойника, Даша немного приуныла, однако виду не подала. Она поблагодарила Анну и белобрысого парня, который всё это время безмасочно лыбился в сторону Мирейи. Если среди книг, сказала Даша, найдётся что-то редкое, особо ценное, то с вами обязательно свяжутся.

Анна равнодушно махнула рукой, но повторять, что деньги ей не нужны, не стала.

В общем, около десяти минут десятого, за четверть часа до того, как в «Лаконию» забрели первые посетители, и за час до явления первого завсегдатая (в тот день раньше всех отметился Жан-Ив Бургиньон, отставной бельгийский офицер, служивший весной 1994-го в Руанде), хозяйка квартиры мёртвого русского и её предположительный сын ушли из магазина.

² That's it... That was the last one. Mission accomplished. – Всё... Это последняя была. Миссия выполнена (англ.).

Её занимали самые разные вещи

Хельсинки. Книжный магазин «Лакония».

Вечер того же дня

«Тематически разобрать» содержимое коробок из бурого и белого картона, привезённых с Линнанкоскенкату, оказалось нетрудно. Минут пять у Даши ушло на то, чтобы вместе с Мирейей спустить коробки с первого этажа в недра «Лаконии». Там, внизу, расположившись у длинного стола в зале с немецкими, русскими, испанскими и не помню уже какими книгами, Даша справилась с поставленной задачей менее чем за полчаса. (Если, конечно, не считать всего вечера, ночи и прочего времени, которое она потом угрохала на те самые распечатки.)

Позднее, в разговоре с матерью, которая также играет не последнюю роль в нашей истории, Даша скажет:

– Реально все книги [в коробках были] на русском!

Имейте, однако, в виду, что в Дашином словаре наречие «реально» не всегда означает «буквально». На дне одной из коробок попались-таки два старых, залистанных пейпербэка на английском: *Profiles of the Future* Артура Кларка (издание 1964 года с треснувшим корешком) и *Red Arctic* неизвестного Даше автора. *Red Arctic* рассказывала историю советских полярных экспедиций накануне Второй мировой войны. В другой коробке нашлись большой финско-русский словарь и мятый роман Софи Оксанен «Коровы Сталина» в подлиннике, то есть на финском. «Коров Сталина» покойник с Линнанкоскенкату, судя по всему, дочитал до шестьдесят первой страницы. Именно там кончались бесчисленные подчёркивания финской лексики и карандашные русские переводы, накарябанные на полях мелким зубастым почерком.

Зато всё остальное в коробках было на русском реально буквально, без исключений, и распадалось при этом на две чёткие категории.

Одну категорию Даша снабдила в уме наклейкой «АРКТИКА». На эту наклейку направлялось не менее шестидесяти процентов библиотеки мёртвого русского. Видимо, покойный интересовался не только советскими полярниками накануне Второй мировой. Он был одержим всем, что касалось Северного Ледовитого океана и его российских окрестностей.

Тут хорошо бы добавить важный штрих к портрету Даши. Она к тому лету отучилась первый год на факультете педагогики Хельсинкского университета. Она легко прошла конкурс в десять финнов на место, когда поступала, и взаправду собиралась работать в школе. А ведь финской школьной учительнице, как известно, полагается быть скромным человеком Возрождения, неприятельной Леонардой да Винчи с тихой, ровной любовью к миру вообще и к детям в частности.

Иначе говоря, Дашу то и дело занимали самые разные вещи, от плетения корзин до месопотамской поэзии. Но вот именно Арктикой увлечься она ещё не успела и потому не могла даже представить, что об Арктике так много всего пишут и печатают в империи, где она родилась, а ещё больше писали и печатали раньше – в другой, мёртвой империи с красным флагом, которая давным-давно, в доисторической маминой юности, была на месте нынешней (и не только на нём).

Аккуратные стопки, которые Даша выстроила на левой половине длинного стола в одном из подвальных залов «Лаконии», состояли из книг с названиями вроде «Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики», «Арктика за гранью фантастики» и «Путешествия в полярные страны». (Последняя – из серии «Полярная библиотека» некоего Всесоюзного арктического института; Ленинград, 1933 год.) Там были книги о первооткрывателях Новой Земли, Северной Земли и Новосибирских островов. Были парадные энциклопедические тома «Остров Вайгач» и «Земля Франца-Иосифа». Была «Жизнь на льдине» И.Д. Папанина (с зелёным

небом над изумрудными льдами), «По нехоженной земле» Г.А. Ушакова (с фиолетовыми горами среди зелёных снегов) и «Дом человеку и дикому зверю» В.А. Шенталинского – про далёкий остров Врангеля.

То, что не вписывалось в АРКТИКУ, Даша сложила на другой половине стола. Эта вторая категория состояла из научной фантастики, причём фантастики советской. Более того, в советских изданиях. Даше сразу бросилось в глаза, что ни одна книга с воображаемой нашлёпкой «ФАНТАСТИКА» не вышла позднее восьмидесятых. Самым ранним по году издания был сборник под названием «Альфа Эридана» 1960 года, а наиболее свежим – сборник «Пещера отражений» 1988-го.

В конце концов оказалось, что ФАНТАСТИКА почти вся состоит из сборников. Особенно много было ленинградских: «В мире фантастики и приключений» 1964 года, «Тайна всех тайн» 71-го, «Кольцо обратного времени» 77-го и так далее.

Впрочем, это засилие Лениздата Даша заметила лишь при повторном осмотре, когда уже прочитала загадочные распечатки. А поначалу – пока она только разбирала коробки, пока ещё строила книжный городок на столе, – её взгляд цеплялся не за ленинградские обложки, а за самые красивые.

Например, за «Капитана звездолёта» Калининградского книжного издательства (1962) и за «Хрустальную медузу» рижского издательства «Лиесма» (1985). На обложке калининградского сборника вставала огненным апельсином огромная звезда над ажурными инопланетными скалами. От этих скал уносилась в чернильное небо четырёхсопловая ракета в стиле Atomic Age. Сборник «Хрустальная медуза» из Риги был красив совсем другой красотой: на нём громоздилось нечто завораживающе абстрактное, похожее на горную крепость, увиденную глазами безумного тополога. Фиолетовые ворота и бледные крыши крепости топорщились под невозможными углами.

Было в коробках и другое семейство сборников, которое бросалось в глаза прежде Лениздата: серийные альманахи с номерами. Даша сложила их двумя отдельными стопками. В одну стопку попали еле живые, расклеивающиеся тетрадки издательства «Знание» с буквами «Н» и «Ф», растущими друг из друга (номера 6, 10, 14, 26 и 30). В другую – более солидные, но не менее ветхие ежегодники «Молодой гвардии» в твёрдой обложке: двухтомный 1965, а также 1971, 1979, 1980 и 1984.

Антологию «Поиск» Средне-Уральского издательства представлял в библиотеке мёртвого русского только один экземпляр – с номером 86. Его Даша пристроила в стопку к ненумерованным сборникам не из Ленинграда.

Мимоходом отметим: в отличие от АРКТИКИ, обилие советского сай-фая в коробках с Линнканоскенкату не удивило Дашу и не расширило её горизонты. Она не увлекалась фантастикой как таковой, ей больше нравились фэнтези и альтернативная история. Но существование любых литературных выдумок на любом языке всегда казалось ей чем-то естественным – примерно как существование книг в твёрдых переплётах, рассказов о любви или повествования от третьего лица. Поэтому, кстати, ей сразу запомнилось то, что сказала про фантастику Негина Елена Николаевна, свидетельница номер три. В тех самых распечатках.

Ну и, собственно говоря, распечатки. Они, несмотря на своё содержание, таились вовсе не в «ФАНТАСТИКЕ». Покойный (или кто-то другой? неизвестный?) засунул их в огромный, чуть ли не в метр высотой, «Атлас Арктики» 1985 года. Атлас лежал на самом дне самой большой коробки. Даша вытащила его в последнюю очередь, подцепив обеими руками и театрально фыркнув от тяжести. На столе прямо перед ней не оставалось места для подобной громадины, всё было занято стопками других книг, и Даше пришлось встать с табуретки и дотащить «Атлас Арктики» до свободного края стола.

Несколько секунд она шурилась над книгой-великаном, разглядывая бурые пятна на толстой рубиновой обложке и надеясь, что они от кофе. Когда-то (может быть, даже недавно?)

в квартире мёртвого русского?) «Атлас Арктики» явно вёл активный образ жизни. Он лоснился по краям и корешку. Верхний уголок лицевой стороны обложки был надломан, а из названия исчезла почти вся краска.

Налюбовавшись, Даша принесла к атласу табуретку, села и открыла бумажную Арктику на первой попавшейся странице. Стоит ли говорить, что первым ей попался разворот с Гренландией и распечатками. Он открывался услужливей всего.

Через много лет – а впрочем, какое «много»: через какие-нибудь два года, от силы три Даше Кожемякиной будет казаться, что она с ходу бросилась читать и перечитывать листки формата А4, покрытые кириллицей Times New Roman двенадцатого размера и наискось прихваченные степлером в левом верхнем углу.

Мирейя Муньос Эррера, напротив, не забудет, что сначала в «Лаконии» всё-таки прошёл целый день, наполненный магазинной суетой. Только вечером, когда Мирейя уже собиралась бежать на свидание с большой финской любовью, Darja прискакала вдруг с нижнего этажа, размахивая какими-то бумагами, и начала говорить сумбурной английской скороговоркой про содержание и значение этих бумаг. Её серые глаза, напоминавшие Мирее горизонтальные капли, так и сверкали над маской в чёрно-белую клетку.

Минуты полторы Мирейя растерянно смотрела то в эти глаза, то на маску, то на высокий лоб с веснушками. (Она втайне завидовала Дарьиным веснушкам. Втайне – потому что догадывалась: у самой Дарьи отношения с ними неоднозначные.)

Мирейя была знакома с Дарьей Кожемякиной ровно неделю, но успела заметить, что скороговоркой та говорит всегда, на всех языках. Дарья тараторила по-английски, комментируя посылки, которые они собирали покупателям из интернета. Дарья тараторила по-фински с офлайн-посетителями. Дарья тараторила, когда звонила маме, – на языке, который сначала показался Мирее просто шершавым, бесформенным и мягким, как ношенная кофта из грубой шерсти, а потом, когда выяснилось, что это русский, он вдруг зазвучал музыкально, загадочно и (сколько бы Мирейя ни краснела, отгоняя это наваждение) чуть-чуть угрожающе.

Заметила Мирейя, однако, и то, что тараторит Дарья не сумбурно, а членораздельно, связно и осмысленно. Во всяком случае, по-английски. Именно поэтому в тот июльский вечер, когда конопатая финка в своих вечных полосатых носках и подвёрнутых джинсах прибежала с нижнего этажа, размахивая листками А4, Мирейя растерялась. Понять Дарьин поток сознания было невозможно:

– ...you see, these pages – these printouts – like I said, they're all about this book that some people read – that a bunch of people seem to remember reading – it predicted the future – OK, I mean not a bunch, there's, like, only four witnesses here, but the notes seem to be saying that there's more – there are other witnesses that this guy found – the dead Russian guy, the books' owner – they found him, like, dead outside his apartment, right? – remember what the woman said this morning? – the police showed up a bunch of times to search his place – I mean I don't remember how many times, but they came more than once, they were, like, definitely looking for something – so it looks like the dead guy was looking for the book – I mean the science fiction book that predicted the future – Latvian or Lithuanian or maybe Ukrainian – it's totally crazy, they, like, all remember it differently – someone seems to have hired him to trace it down – I mean someone hired the dead Russian guy – I mean this can't be a fucking coincidence, right? – why would the police care about some Russian guy who, like, spends all his time reading some Russian nerd books about the Arctic Ocean? – he wasn't even murdered or anything, they just found him dead on the stairs – I mean middle-aged Russian guys drop dead, like, all the time...³

³ Переводить с международного вспомогательного языка, который по привычке называют английским, занятие неблагодарное. Но, чтобы меня не выгнали из русской литературы, вот:– ...понимаешь, эти страницы – распечатки эти – они про книжку какую-то, которую люди читали какие-то – куча людей читала – ну, им кажется, что они читали – она предвидела будущее – окей, то есть не куча, тут всего типа четыре свидетеля, но в примечаниях, насколько я понимаю, написано, что

Мирейя слушала, почти не моргая, и вроде бы разбирала все слова (она хорошо владела языком, который до сих пор обзывают английским), но слова не складывались ни в какое понятное целое, если не считать целой волны жутких воспоминаний. Дарьяна речь напоминала об Айторе, двоюродном брате Мирейи, у которого было биполярное расстройство и мужское презрение к лекарствам, в том числе от биполярного расстройства. Айтор, когда ещё был жив, явился однажды вечером без предупреждения на квартиру, которую Мирейя снимала с двумя сокурсницами в Мурсии (это город на юге Испании), и вот примерно так же горячечно тараторил до полуночи о гениальном суперстартапе с какими-то «румынскими партнёрами». А девять дней спустя он вскрыл себе вены в гостиничном номере в Бухаресте.

Все эти картинки из прошлого отразились у Мирейи в глазах, и Даша, которая ни разу ещё не видела на лице испанки, казавшемся ей таким чистым и правильным, ничего трагичней скуки и лёгкого раздражения, вдруг услышала себя со стороны, и немедленно запнулась, и рассмеялась после неловкой паузы.

Даша вспомнила, что её соратница по спасению «Лаконии» от пандемии собиралась в тот вечер увидеться с кем-то из своего «ближнего круга общения» и что, рассказывая о своих планах на вечер, испанка краснела (она легко краснела) и употребляла казённые обороты из англоязычных сообщений финского минздрава, а под конец спросила Дашу вполголоса, можно ли в Финляндии, где чуть ли не всё правительство нынче состоит из феминисток, рассчитывать на то, что у парня будет наготове презерватив и что он его наденет сам, без напоминаний прямым текстом. Даша в ответ замотала головой, и сказала Мирейе не рассчитывать на чудеса, и хотела уже гнать её за презервативами в ближайший продуктовый на Нервандеринкату. Но Мирейя заверила, что презервативы у неё, само собой, есть, она просто хотела уточнить, какой сейчас в Финляндии этикет.

– I am soooo sorry, Mireya! – извинилась теперь Даша, вспомнив это всё. – I really didn't mean to unload on you like that. You need to go, and I need to calm down. I will tell you everything tomorrow... – На мгновение Даша задумалась, отыскивая выражение поцветастей, чтобы создать хоть какую-то ироническую дистанцию между собой и своим детским восторгом по поводу распечаток мёртвого русского. – Come tomorrow, I shall tell you everything in a most orderly fashion!⁴

Мирейя поутирала слезы из вежливости, уверяя Дарью, что ей очень интересно и она готова слушать «всё» и даже «в строжайшем порядке» прямо сегодня. Отдав дань вежливости, Мирейя попрощалась, кинула взгляд на телефон и убежала наконец к своей большой любви, полная решимости твёрдо, по-скандинавски, упомянуть и достать презервативы сразу после того, как стащит с себя и с любви футболку, то есть как можно скорей.

Даша не стала глядеть ей вслед. Она заперла магазин изнутри, сходила в туалет, выпила стакан воды из-под крана и нырнула обратно в подвальный этаж. Её ждала библиотека мёртвого русского, расставленная аккуратными стопками на длинном столе.

есть ещё – другие свидетели есть, которых этот мужик нашёл – русский, умер который, владелец книг – его труп возле его квартиры нашли – помнишь, женщина эта говорила утром? – полиция потом приходила много раз, обыскивала квартиру – ну, в смысле, я не помню, сколько раз, но больше одного раза, они типа точно искали что-то – получается, мужик, который умер, искал эту книгу – в смысле, фантастику, которая предвидела будущее – латвийскую, или литовскую, или, может, украинскую – там обалдеть можно, у них у всех разные о ней воспоминания – кажется, кто-то нанял его, чтобы её разыскать – в смысле, кто-то мёртвого русского нанял – это же точно всё как-то связано! – на фига иначе полиция будет заморачиваться с каким-то мёртвым русским гиком, который с утра до ночи читает папирусы про Северный Ледовитый океан? – его ж не убили даже никак, он просто мёртвый лежал в подъезде – русские мужики, которым за сорок, вообще мрут как мухи...

⁴ I am soooo sorry, Mireya!.. I really didn't mean to unload on you like that. You need to go, and I need to calm down. I will tell you everything tomorrow... Come tomorrow, I shall tell you everything in a most orderly fashion! – Ой, извини-извини, Мирейя!.. Я не хотела тебя всем этим загружать. Тебе надо идти, а мне надо успокоиться. Я завтра тебе всё расскажу... Завтра я изложу тебе всё в строжайшем порядке! (англ.)

Вселенная со всем её содержимым

Хельсинки. Подвальный этаж магазина «Лакония».

Тот же вечер

Ещё до того, как она выбежала наверх, трясая распечатками, и напугала Мирейю, Даша перелистала «Атлас Арктики» с начала до конца и с конца до начала, то есть дважды. В атласе никаких других вложений не нашлось. Но унывать было рано. Оставались ещё десятки непролистанных единиц категории АРКТИКА и десятки сборников ФАНТАСТИКИ. Каждая книга мёртвого русского могла таить в себе нечто, связанное с распечатками.

До начала восьмого Даша разбирала книжные стопки, построенные с утра, и листала, и безжалостно перетряхивала по два-три раза абсолютно всё, включая «Путешествия в полярные страны» 1933 года и ветхие НФ-тетрадки издательства «Знание».

Процесс затянулся из-за того, что приходилось отвлекаться. Вселенная со всем её содержимым, как мы помним, казалась будущей финской учительнице Даше Кожемякиной повально интересной. Как следствие, если под носом у Даши открывалась книга на произвольную тему, не важно на какой странице, Даша хронически находила там что-нибудь отвлекающее.

Книги покойника об Арктике распахивались перед ней фотографиями белых медведей, собачьих упряжек и тундры в весеннем цвету; рисунками обречённых шхун в арктических льдах и последних мамонтов на острове Врангеля; мифами ненцев и нганасан; подробными описаниями гнездовий и повадок неизвестных ей птиц с очень смешными русскими названиями: «люрик», «бургомистр», «атлантический глупыш», «толстоклювая кайра».

ФАНТАСТИКА при этом не уступала АРКТИКЕ. В ней так и мелькали слова и предложения, которые заставляли Дашу прочесть хотя бы два-три прилегающих абзаца:

«интер-что-то-71»

«Мученики звёздной дисгармонии»

«...вы слишком много времени провели за гиалоскопом и, естественно, не знаете толком, что происходит в мире»

«Чем дальше, тем больше люди трезвели, и на столе прибавлялось полных бутылок...»

Под заголовком «Основание цивилизации» в толще какого-то сборника проводились «гонки на машинах времени». В главе «Диалектика поиска» какой-то повести сообщалось, что «Ирина Гордич любила работать, не включая верхнего света» – точь-в-точь как сама Даша. В калининградском «Капитане звездолёта» с чудо-обложкой обнаружился рассказ некоего И. Ефремова. Не того ли Ефремова, которого хвалила свидетельница номер три из распечаток? Даша наудачу открыла рассказ в середине. «Я, – писал там И. Ефремов, – вдруг почувствовал прилив сил, зрение обострилось, далекие скалы будто надвинулись на меня, я различил все подробности их крутых склонов. Схватив кисть, с дикой энергией я подбирал краски...» Даша автоматом проглотила ещё три страницы. Она уже давно (в смысле, четвёртый месяц) подумывала отправиться после пандемии в какие-нибудь горы и если не рисовать их (рисовала она плохо), то хотя бы смотреть на них с утра до ночи во все свои молодые глаза без очков и контактных линз.

Ещё сильнее Дашу выбил из колеи текст под названием «“Развлекательная литература” и научный сотрудник». Он попался в одной из номерных антологий. Его предварял дисклеймер: «Письма наших читателей».

Автора письма звали М. Перельман, «сотрудник Института кибернетики АН Грузинской ССР». В своём послании М. Перельман выделял то, что Дашу особенно завораживало у старинных авторов: на вычурном старомодном языке, на экзотических, не всегда понятных примерах из чужой реальности (в которой, судя по этим примерам, напрочь отсутствовали жен-

щины) он обсуждал вопросы, казавшиеся ей невероятно современными, – вопросы, о которых она сама, здешняя и сейчас, с жаром спорила на занятиях в университете и на вечеринках, особенно у Нанны Микконен из Extinction Rebellion.

«Существует проблема, – писал М. Перельман, – грозящая стать в ряды “мировых” или “вечных”: что делать человеку “от шести вечера до полуночи”, то есть от конца рабочего дня до отхода ко сну?»

И до, и после приведённой цитаты говорилось, правда, всё больше о том, почему советские учёные вырывают друг у друга из рук журнал «Техника – молодёжи» и вообще любят читать фантастику. Но за этой поверхностной антикварной мишурой из империи, которая съжилась и сменила вывеску за восемь лет до появления Даши на свет, угадывалась настоящая, глубинная тема письма.

Тему эту Даша, если б её спросили, сформулировала бы так: зачем нам свободное время?

Подумав, она уточнила бы, кого имеет в виду под «нами»: здоровых, неглупых, обеспеченных всем необходимым – короче говоря, везучих жителей нашего чудовишно несправедливого, больного мира. Жителей (сказала бы она ещё конкретней) вроде неё, Даши Кожемякиной; вроде её подруг и сокурсников. Имеют ли они, молодые граждане Финляндии, дети среднего класса, сторонники всего хорошего, противники всего плохого, моральное право заполнять свой досуг не самосовершенствованием, активизмом и волонтерством, а безмозглой развлечухой?

(Дашины формулировки, кстати, даются в переводе с финского. Она на тот момент своей жизни успела поспорить на эту тему только по-фински. Зато много раз.)

М. Перельман в пожелтевшей советской книжке исходил из того, что перед учёными подобные вопросы не стоят; что учёные могут с чистейшей совестью читать по вечерам сказки про будущее. Он писал так, будто работа любого учёного – достаточный вклад в борьбу с уродствами нашего мира. Даша честно не знала, верит ли она, что все учёные прямо так уж и служат высокой истине и справедливости, она слышала примеры довольно гнусной науки, в том числе в мёртвой империи М. Перельмана, но ей был знаком и даже близок сам подход к проблеме досуга, который подразумевался в письме кибернетика из «АН Грузинской ССР». Даша тоже мечтала делать именно такую работу, после которой не стыдно валяться на травке в парке, зачитываясь какой-нибудь альтернативной историей первых астронавтов на Луне. В немалой степени поэтому она и решила стать учительницей.

Дочитав письмо М. Перельмана, она ещё задумалась по инерции о гарантированном базовом доходе, о смысле жизни, о своём непыльном волонтерстве в книжном магазине и о том, как пандемия раздувает и без того страшное неравенство на планете Земля. Лицо её привычно морщилось от искреннего стыда, но пальцы уже листали дальше, уже захлопывали этот сборник и хватались за следующий.

К началу восьмого, как отмечалось выше, Даша перетрясла и пролистала всю библиотеку мёртвого русского. Затем она восстановила книжный городок в его утреннем виде и разложила на уголке стола четыре новых артефакта.

Артефакт первый: разглаженный фантик песочного цвета с человеком на верблюде, двумя старинными грузовиками и надписью

«КОНФЕТА КАРА-КУМ

1-Я ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОНДИТЕРСКАЯ ФАБРИКА».

Артефакт второй: сильно выцветший кассовый чек, датированный «17.03.17 15:22», на шесть неназванных товаров из «ОТДЕЛА 06» и общую сумму «980.00» – вероятно, рублей, поскольку чек был на русском. Наверху, над фискальными цифрами и датой, даже угадывались слова «Санкт-Петербургский филиал Ф. .... НАУКА».

Артефакт третий: рецепт грибного супа с перловкой, написанный на сложенном вдвое листке в бледную клеточку синей ручкой и крупным русским почерком – обалденно красивым и еле-еле понятным.

Артефакт четвёртый: записка на квадратике бурой бумаги размером с Дашину ладонь. «Вигнер Евг. Николаевич 2 Красноарм. 7 кв. 12 тел. 590 532 фара дворник», – вывел кто-то неизвестное число лет назад кривоватыми, но зато отдельными и с ходу понятными буквами-цифрами.

Фантик с верблюдом выпорхнул из «Альфы Эридана» – самого древнего сборника в коллекции. Чек из «ОТДЕЛА 06» лежал в ленинградском «Кольце обратного времени». Рецепт грибного супа нашёлся в книге про остров Врангеля; кто-то заложил им главу с рисунком очень мохнатого мамонта. А записка про «Вигнера Евг. Николаевича» выскользнула из «Хищных вещей века» братьев Стругацких, одной из немногих не-антологий в ФАНТАСТИКЕ, и по сложной траектории улетела далеко под стол. Пришлось встать на колени, чтоб её оттуда выудить.

Выбравшись из-под стола, Даша минуту-другую изучала свои скромные находки. Записка с адресом и странным шестизначным номером была единственной очевидной зацепкой. Даша вытащила из кармана джинсов телефон, чтобы зауглеть имя «Вигнер Евгений» и улицу «Красноарм.». (Она предполагала, что полное название – «Красноармянская», в честь коммунистической Армении, но сомневалась в своей догадке и рассчитывала, что гугл подскажет верное окончание.)

Именно в этот момент, как бывает даже в жизни, телефон зазвонил.

Здесь надо сказать, что по телефону – в смысле, вот прямо натурально по телефону, а не через какой-нибудь мессенджер – Даше Кожемякиной звонили три человека: мама, бабушка Ира и отчим Томми. (Не путать с отчимом Юхо, который пропал из Дашиного мира, когда ей было семь с половиной.)

Ну, окей, иногда ещё названивала мать отчима Томми. Она у Даши на экране высвечивалась как *tunttu Anna Karenina* – «бабуля Анна Каренина». Более официально бабулю Анну Каренину звали Анна-Карин Бьоркскуг. Отметим сразу, что героиню Льва Толстого ничем, кроме имени, эта шведскоязычная пенсионерка с длинной серебристой гривой не напоминала. Она к началу нашей истории пятьдесят три года жила с одним и тем же немногословным работающим мужиком в городе Вааса на побережье Ботнического залива и даже в городской совет избиралась однажды (от Шведской народной партии).

Хотя погодите. Касательно бабушки из Ваасы всё верно, но про контакты у Даши в телефоне я наврал: была там ещё и Центральная статистическая служба Финляндии (*Tilastokeskus*). Служба эта временами звонила, извинялась и расспрашивала про Дашины занятия, пристрастия, предпочтения и мнения по насущным вопросам. Даша исчерпывающе отвечала на все вопросы. Ей нравилось вносить посильный вклад в финскую статистику.

Вот с этими пятью абонентами Даша разговаривала. Остальные звонки на её телефон приходили с незнакомых номеров. Их она, как правило, сбрасывала. Она бы сбросила и этот звонок – она бы в ту минуту не стала разговаривать вообще ни с кем, кроме мамы. Но на экране, прямо в том месте, где обычно выныривали номер или имя из телефонной книжки, теперь сияли два слова, от которых сердце у Даши немедленно ушло в пятки:

NIISTÄ TULOSTEISTA
НАСЧЁТ РАСПЕЧАТОК

Во время такого звонка

Хельсинки. Подвальный этаж магазина «Лакония».

Тот же вечер

Даша приняла звонок, поднесла телефон к уху и назвала своё имя:

– Darja Kožemja...

Назвала, как видите, не до конца. Умолкла на третьем слоге фамилии, потому что телефон явно не желал её слушать. Он бесцеремонно заговорил официальным женским голосом:

– Jos haluat tietää Bolognan tapahtumista, valitse numero yksi.

Мол, если хочешь узнать о событиях в Болонье, выбери «один».

Даша задержала дыхание. Она резонно ждала, что сейчас ей огласят и другие опции – для номера «два», а то и для номера «три» и даже «четыре». Но других опций не последовало.

– Jos haluat tietää Bolognan tapahtumista... – начала повторять официальная женщина секунд через пять.

– Yksi!⁵ – перебила её Даша, вскакивая со стула.

Ей почему-то казалось, что нельзя слушать о событиях в Болонье (в чём бы они ни заключались), нельзя говорить о распечатках мёртвого русского (тем более неизвестно с кем), неподвижно сидя на стуле. Во время такого звонка надо было идти, целенаправленно идти по улице, сжав губы и заправляя за свободное ухо волосы, непослушные от ветра, а за неимением улицы и ветра – хотя бы нарезать круги по нижнему этажу «Лаконии», мимо разноязыких книжных полок, вокруг длинного стола, заставленного АРКТИКОЙ и ФАНТАСТИКОЙ.

Именно так она и проходила туда-сюда двадцать четыре минуты и сколько-то секунд, пока новый голос, более молодой, менее официальный и даже как будто немножко грустный, но тоже вроде бы женский, сообщал ей на вычурном литературном финском (который напоминал Даше недочитанный толстый роман Волтера Килпи) всё то, что приводится ниже в русском изложении – вольном, но фактически точном.

---

⁵ Yksi! – Один! (фин.)

Вольное изложение того, что рассказали по телефону Даше Кожемякиной

Болонья.

Три волшебных года Иммы Боццини

В центре Болоньи, неподалёку от Двух башен, в конце нулевых годов двадцать первого века открылся большой книжный магазин (не букинистический). Он и сейчас там есть. Попасть в него можно через главный вход на Виа дельи Орефичи или через боковую стеклянную дверь на узенькой Виа Драпперие.

Буквально в двух шагах от неглавного входа в книжный на Виа Драпперие доживает свой век «Альберго делле Драпперие» – тесная, скрипучая гостиница, устланная лоснящимися коврами. В то время, когда Имма Боццини, о которой скоро пойдёт речь, приехала в Болонью учиться, вас ещё встречала на ресепшене этого заведения дряхлая чёрная собака с обессиленным хвостом. Она глядела на вас бездонными глазами, словно обещая страдать за компанию, если у вас аллергия на шерсть и ковры. Собаку звали Оливия. Недели через две после того, как прилегающий книжный мелькнул в итальянских и словенских новостях, она куда-то пропала.

Книжный занимает три этажа и, кажется, два здания. Пишу «кажется», потому что сказать, где в центре Болоньи кончается один дом и начинается другой, бывает сложно, и чем старше застройка, тем сложнее. На углу Виа Драпперие и Виа дельи Орефичи застройка частично восходит к четырнадцатому веку.

Над главным входом книжного написано *Ambasciatori*. Название досталось магазину в наследство от порнокинотеатра, который до середины восьмидесятых радовал взрослых людей на том же месте. Произносится оно «амбашатѳри» и означает «послы» или «посланники».

Вскоре после открытия, а стало быть, лет за семь до того, как Имма Боццини, о которой мы вот-вот поговорим, очутилась за кассой на втором этаже *Ambasciatori*, магазину дали премию «за инновации в сфере услуг». Церемония вручения премии, рассказывают, была пафосной. Играл лютневый квартет. Приехал тогдашний итальянский президент Джорджо Наполитано (не путать с премьер-министром Сильвио Берлускони).

И награду, и визит президента магазин *Ambasciatori* заслужил тем, что это, скажем прямо, не рядовое помещение для розничной торговли печатной продукцией. Это, по словам известного певца и писателя Франческо Гуччини, «симпатичный храм книг», а точнее – книг, еды и вина. Совместный проект одной большой сети книжных и одного продуктового ретейлера.

Если вы, дорогая читательница и статистически менее вероятный дорогой читатель, подобно мне, всё детство глотали книжки об огромном мире, никуда не выезжая из родного советского райцентра, то совсем даже не важно, через какой вход вы попадёте в *Ambasciatori*. Смело заходите и с Виа дельи Орефичи, и с Виа Драпперие. Наплыв эмоций схлопочете в любом случае.

Быть может, сразу, на первом этаже – от книжно-кофейно-булочного запаха, от стеллажей и витражей, от фасада средневековой церкви, встроенного в стену атриума, от деревянных балок и застеклённого итальянского неба высоко над головой. Быть может, всплакнуть захочется на втором этаже, особенно в обеденное время, когда открыта трапезная. Если вы зачем-то продержитесь два этажа, вы всё равно размякнете на третьем, когда увидите, что там, помимо тысяч книг по всем наукам и хорошо одетых людей, которые их покупают, – там, прямо под стеклянным небосводом, есть бар, где придётся выпить какого-нибудь из вин, расставленных повсюду безжалостными рядами, а выпив, прятать глаза от хорошо одетых людей, потому что тут же захочется, неуместно и сладко захочется обратно в свой сраный райцентр и детство.

Впрочем, довольно лить постсоветские слёзы. Нам предстоит разговор об Имме Боццини. Ей, дочери овдовевшего муниципального служащего из города Фоджа, магазин *Ambasciatori* тоже поначалу казался земным филиалом чужого блистающего мира с высокими ценами.

Когда она пришла в *Ambasciatori* впервые, то есть на следующий день после того, как заселилась в свою первую комнату на Виа Массаренти и минут десять прощалась с отцом, без конца обнимая его, и хлюпая носом, и не давая ему сесть в машину, а потом краснела перед бывальными соседками, хотя краснела недолго, потому что соседки (Кьяра из Лечче, Джиневра из Удине, Аиша из Рима, Лаура из Катании, Вера из Пескары) все как одна признались, что рыдали точно так же – если не в первый день, то обязательно на второй или третий, когда в панике и тоске по дому звонили маме, не сумев запустить незнакомую кофеварку или стиральную машину, – в общем, когда Имма Боццини из Фоджи попала в *Ambasciatori* в самом начале своей студенческой жизни, она не удержалась и купила там две книжки. Но это был первый и последний раз. Освоившись в Болонье, она стала находить всё на книжном развале у вокзала, на Виа Дзамбони по вторникам, на Виа Санто Стефано по воскресеньям. (Учебную литературу, надо ли говорить, ей распечатывали в копистериях.)

При этом весь первый курс она ходила в *Ambasciatori* на встречи с писателями – потому что встречи были бесплатные, потому что жизнь тогда была бесконечной и потому что писатели, говорившие умные слова с маленькой сцены под фасадом средневековой церкви (см. выше), ещё казались ей чуть-чуть небожителями, а значит, её место на неудобном раскладном стуле, от которого ныли зад и спина, ещё было местом на краешке неба. Ко второму курсу Имма начала замечать, что писатели, в том числе хорошие, часто говорят одно и то же, одинаково шутят и даже как-то внешне похожи друг на друга. Тогда она бросила ходить в *Ambasciatori*. Ей не хотелось портить впечатление от хороших книг столкновением с их авторами, а главное, не хотелось повторять уже пройденное.

Разумеется, на тот момент Имма ещё не понимала по-настоящему, как волшебны и коротки её годы в Болонье. (По-настоящему она впервые почувствует это через два года после диплома, в Монреале, во время локдауна, за считанные месяцы до того, как Даше Кожемякиной в подвале «Лаконии» расскажут по телефону её историю.) У Иммы не было цели напихать в три болонских года как можно больше разного материала для грядущей тоски по молодости. Материал, как водится, копился стихийно.

Он копился, пока Имма носилась в мыле из аудитории на Виа Картолерия в аудиторию на Виа Филиппо Ре, давясь на бегу противным нагретым яблоком. Он занимал в ней всё больше места с каждым новым знакомством, под каждым портиком, на каждом шагу её пути из Болоньи для начинающих (*Cafè Paris*, *Caffè Petroni*) в Болонью уровня *intermediate* и *upper intermediate*, то есть в *Moustache*, в *Il Barattolo* на Виа Борго ди Сан Пьетро, в галдящие бары на Виа Маскарелла и Виа дель Прателло, в гулкие промышленные корпуса на окраине, захваченные студентами во имя техно, даба, эмбиента и борьбы с миром капитала.

Годам к тридцати, не говоря уже о сорока, Имма перестанет делить болонские воспоминания на хорошие и плохие. Всё, что попало в копилку, будет казаться бесценным в равной степени, и уже невозможно будет поверить, что там, в Болонье, в середине десятых, была какая-то офигенно важная принципиальная разница между штукатуркой, упавшей с потолка на соседку, и магическим воем терменвокса на Пьяцце Маджоре в воскресное утро.

Что это была за разница?

Кто её тогда вечно выдумывал?

Чем спирт за два евро из лавки пакистанцев отличался от холоднящего тумана, из-за которого не хотелось выходить на улицу?

В Болонье десятых (скажет постаревшая Имма, осушив три бокала) все любили всех, и всё происходило согласно великой предустановленной гармонии: похитители велосипедов (не благородные, не из киноленты Витторио де Сика, а обычные мелкие уголовники) воро-

вали велосипеды; юные отпрыски буржуазных семейств притворялись коммунистами; будущие влюблённые знакомились прямо на улицах; в подъездах валялись шприцы; вечеринки не кончались до рассвета; она полоскала вином рот, пересохший от спора о новом романе Сильвии Аваллоне, она плакала от унижения на любимой Виа Сарагоцца, она бродила по загородным холмам с любимой сокурсницей, таланту и остроумию которой страшно завидовала, и видела, своими глазами видела с вершины одного холма именно то, что мечтала увидеть когда-нибудь в настоящих горах любознательная финка Даша Кожемякина.

Продолжение вольного изложения того, что рассказали по телефону Даше Кожемякиной

Болонья.

Осень 2017 года

Однако вернёмся к сюжету. Как-никак, под «событиями в Болонье» телефон Даши Кожемякиной имел в виду не всю копилку Иммы Боццини, а лишь то, что случилось на кассе магазина *Ambasciatori* в субботу 28 октября 2017 года.

Это была третья суббота Иммы Боццини на рабочем месте, о котором она когда-то не смела даже мечтать. Той осенью Имма училась на последнем курсе. Она уже перепробовала всё, что предлагает болонский рынок труда студентке без связей. Совала прохожим листовки и образцы всякой хрени, то есть была стрит-промоутером, бренд-амбассадором и ещё каким-то пафосным английским названием. Она транскрибировала двадцать семь часов интервью для чужого диплома. Гуляла с чужими собаками. Убирала квартиру чужой бабушке, которая неотвязно шаркала за ней из комнаты в комнату, обзывая Имму *brava ragazza italiana* и бубня, как заикленный луп, что доверять уборку можно только таким хорошим итальянским девочкам, а не ведьмам из Африки и Восточной Европы.

Меньше всего (неделю) Имма продержалась официанткой в ресторане на Виа Марсала. Эта работа выматывала до смерти, Имма не могла совмещать такое с учёбой, а главное, уже на второй день пьяный шведский турист с ухоженной серебристой бородкой хохоча шлёпнул её по жопе. Гораздо стабильней выходило с частными уроками для пригородных школьников. Имме не особо нравилось преподавать, её напрягало, когда ученики не понимали и не запоминали с первого раза, как привыкла понимать-запоминать она сама, но она так любила французский и литературу, что раздражение тонуло в этой любви. Мечтать о более подходящем заработке было наивно – более подходящий заработок доставался только людям со связями.

Но время шло, время меняло подлунный мир, и на последнем курсе Имма узнала о себе нечто удивительное. Она узнала, что сама превратилась в человека со связью. Связью этой была Серена Легренци – её любимая, талантливая, остроумная сокурсница из Милана. Папа Серены – профессор антропологии. Мама редактирует нон-фикшн в миланском издательстве *Unicopli*.

У Серены Легренци не было трудностей с работой. Во-первых, работа не была ей сильно нужна, ей и так хватило бы денег на любую книгу в любом магазине и осталось бы на вино и траву. Во-вторых, мамино издательство заказывало Серене переводы с французского и португальского. (Серена отлично знала и тот, и другой ещё до поступления в *UniBo*. По-французски она говорила совсем без итальянского акцента – папа-антрополог одно время работал в Льежском университете, и вся семья, по выражению Серены, «два года торчала в Бельгии».)

В сентябре 2017 года профессора Легренци зазвали в *Ambasciatori* на беседу о его новом двухсотпятидесятишести-страничном эссе для широкого круга читателей. Во время этой беседы Серена с Иммой сидели в последнем ряду в атриуме книжного храма. Имма внимательно слушала тезисы профессора Легренци о местечковости итальянской интеллигенции, Серена читала трешовый римейк «Алисы в Стране чудес», купленный летом в Квебеке, а по окончании мероприятия их обеих пригласили в закулисье храма. Папа Легренци с бокалом в руке представил дочь первосвященнице («Вот моя страшно умная дочь, которая уже прочитала больше книг, чем мы с её матерью»), и первосвященница спросила, не нужен ли умной девушке, читавшей столько книг, опыт работы в книжном ретейле:

– Мы ищем временную сотрудницу, готовую работать по выходным.

В ответ на это Серена за рукав подтянула Имму ближе к центру любезного разговора людей со связями и, как это было ей свойственно, умудрилась одной репликой привести Имму в экстаз и повергнуть в отчаянье.

– Возьмите мою однокурсницу, – сказала Серена. – Её ум ещё страшней, она читала ещё больше книг. А я всё равно не могу. Я скоро уезжаю из Италии.

Решение уехать Серена приняла именно в тот вечер и, более того, в то же мгновение: как только открыла рот, чтобы ответить начальнице книжного храма.

Несколько лет спустя Имма Боццини поймёт, что дети людей со связями, особенно умные, порой ничего не могут с собой поделать. В их коридорах слишком много распахнутых дверей. Сорвавшись, они бросаются из двери в дверь; они бросают Болонский университет на последнем курсе и уезжают за океан, в Монреаль, чтобы начать с нуля программу *Sciences naturelles appliquées à l'environnement*⁶. Но тогда, осенью 2017-го, Имма не вполне понимала это. Ей казалось, что в бегстве подруги на другой континент есть и её вина; что Серена бросает их всех: её, универ, Болонью, Италию, – потому что они все не оправдали её надежд, не смогли дать ей того, чего она заслуживала.

Серена уехала из Болоньи в четверг 26 октября.

Два дня спустя, в субботу 28-го, когда Имма крутила педали на свою пятую смену за кассой *Ambasciatori*, утренний город вокруг был игрушечным и не имел никакого смысла.

Она оставила велосипед на Пьяцце Ре Энцо, приковав его к стоянке толстенным замком. Торопясь прошла кусочек пути от площади до магазина. В закулисье храма она умылась, нахлобучила фирменную одежду, поболтала с коллегой. От каждого действия жить становилось привычней и легче.

Ровно в восемь Имма встала за кассу на втором этаже. Субботнее утро в *Ambasciatori* пошло своим чередом. Первый покупатель – сухопарый седой мужчина с военной выправкой, похожий на бельгийского офицера Жан-Ива Бургиньона, который любит ходить в «Лако-нию» (только в гораздо более элегантном пальто), – расплатился в 8:14. Он купил *Perché le nazioni falliscono*⁷, перевод американского бестселлера про то, почему одни страны беднее других. После него была двуполовая пара, такая же сухопарая; она купила путеводитель на немецком. За парой – бледнокожая девушка в гигантских очках без диоптрий. Она спросила, коверкая грамматику и звуки, где лежит классическая итальянская литература с параллельным переводом на английский.

Где-то после десяти часов покупатели стали терять индивидуальность. Их делалось всё больше, они сливались в одно многоликое существо, размахивающее книгами, купюрами и банковскими картами. Существо без конца говорило *buongiorno*, и *grazie*, и *senta signorina*; оно пахло косметикой, задавало вопросы, комментировало свои покупки и просило удалить ценники. Имма соскабливала ценники, вкладывала закладки, предлагала пакетики, сканировала, пробивала по базе, извинялась, отсылала в зал к Тане, которая знала всё без компьютера; Имма улыбалась, благодарила, улыбалась, благодарила, желала хорошего дня, и всё это было очень хорошо, это заливало пустоту в груди адреналином и чувством приключения. Да-да (вдруг поняла она, пока мыла руки в туалете во время перерыва): теперь, когда её пустили в *Ambasciatori*, в блистающий мир людей со связями, работа стала приключением. Оказалось, можно работать без приступов тревоги, без липких опасений, что эта временная работа вовсе не временная, не до защиты диплома, а навсегда.

---

⁶ «Sciences naturelles appliquées à l'environnement» – «Естественные науки и окружающая среда» (фр.).

⁷ «Perché le nazioni falliscono» – «Почему одни страны богатые, а другие бедные», книга американских экономистов Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона.

«События в Болонье», судя по кассе и видеосъёмке, начались около полудня. В 11:47 многоголикое существо расступилось, и вместо него перед Иммой возник Владимир Ленин (Ульянов), русский политик и революционер, мумия которого лежит в пирамиде в центре Москвы.

Ленин этот был высокого роста, сантиметров на двадцать выше оригинала, но Имма не обратила внимания на рост – на канонических портретах и фотографиях размеры вождя большевиков сравнивать особо не с чем. Всё прочее в облике Ленина соответствовало канону: рыжеватые усы и борода клинышком, мясистый нос, прищур, высокий лоб, переходящий в лысину с венчиком остаточной шевелюры, жилет под безразмерным пиджаком, широкий галстук, белая сорочка.

Ленин шлёпнул по прилавку выбранной книгой.

– *Salve compagna!* – тенорком поздоровался он.

И добавил с миланским акцентом, что рабоче-крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, наконец совершилась.

Слева от Ленина, полускрытая от Иммы серой колонной, стояла девушка в чёрной кожанке. У неё было непроницаемое лицо и синие волосы ёжиком. Она снимала Ленина на телефон. Имма вспомнила, как однажды – кажется, той весной – эта девушка стояла у костра, разведённого в железном бочонке на Пьяцце Россини. Тогда она дарила прохожим обгоревшие свитки с анонимной поэзией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.